

Н.И. Якушин

Н.А. Некрасов в жизни и творчестве

Детские годы. Гимназия (1821–1838).....	1
Петербург. Начало литературной деятельности.....	5
Знакомство с Белинским. Начало «Современника».....	8
Сборник «Стихотворения Н.А. Некрасова». 1856.....	16
Раскол в «Современнике». Творчество Некрасова в 1860-е годы.....	26
«Отечественные записки».....	33
Поэмы. Конец 60-70-х гг.....	35
Поэзия Некрасова в 1870-е годы. «Последние песни».....	37

Детские годы. Гимназия (1821–1838)

Долгое время родиной Некрасова называли село Грешнево Ярославского уезда, хотя сам поэт в своих «Автобиографических записях» писал, что родился он «в каком-то... местечке Подольской губернии». Действительно, Николай Алексеевич Некрасов родился 28 ноября (10 декабря) 1821 года в местечке Немирово, Брацлавского уезда, Подольской губернии на Украине, где был в то время расквартирован полк, в котором служил его отец.

В 1824 году семья Некрасовых переехала в Грешнево, где и прошло детство будущего поэта. Детские годы оставили глубокий след в сознании Некрасова. Здесь он впервые столкнулся с разными сторонами жизни народа, здесь был свидетелем жестоких проявлений крепостничества: бедности, насилия, произвола, унижения человеческого достоинства. И поэтому позднее, когда Некрасов снова и снова возвращался в Грешнево, его каждый раз охватывали противоречивые чувства. С одной стороны, чувство беспредельной любви к родному краю («Спасибо, сторона родная, за твой врачующий простор»), а с другой — его постоянно преследовали воспоминания о подневольной жизни крепостных крестьян, о мрачном помещичьем доме, в котором безраздельно господствовал отец-самодур и подвергалась унижениям и оскорблениям его горячо любимая мать.

О детстве поэта, о его семье сохранилось очень мало свидетельств. Но в стихах Некрасова нашли отражение не только многие факты его биографии, переданные удивительно тонко и точно (поэт обладал великолепной памятью и, по его словам, помнил себя с трех лет), не только отдельные сцены, свидетелем которых он был, но и те чувства и переживания, которые эти сцены у него вызывали.

Отец поэта Алексей Сергеевич Некрасов (1788–1862) принадлежал к довольно старинному, но обедневшему роду. В молодости он служил в армии, а после выхода в отставку занялся хозяйством. Человек суровый и своенравный, он жестоко эксплуатировал своих крестьян. «Всю неделю работали на него, а для себя только по ночам да по праздникам», – рассказывал один из грешневских крестьян. За малейшую провинность крепостных наказывали розгами. Не гнушался отец поэта и кулачной расправой.

Известно, например, что он долгое время находился под следствием за нанесение побоев смотрителю почтовой станции.

Любимой забавой Некрасова-отца была псовая охота, во время которой нередко вытапывались крестьянские надель, а пытавшихся протестовать по барскому приказу псари избивали арапниками. После удачной охоты в доме устраивались кутежи, играл крепостной оркестр, пели и плясали дворовые девушки.

Образ жизни и поведения Алексея Сергеевича не могли не оказать воздействия на общую атмосферу в доме и на воспитание детей, в том числе и на будущего поэта. Вот что писал об этом много лет спустя в поэме «Уныние» Николай Алексеевич:

...Детей в суровой школе
Держал старик, растил, как дикарей.
Мы жили с ним в лесу да в чистом поле,
Травя волков, стреляя глухарей.
В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан, —
Но грамоту весьма нетвердо знал.

Вместе с тем, общение с отцом выработало у Некрасова и некоторые положительные качества — твердый характер, силу духа и упорство в достижении поставленной цели. От отца будущий поэт унаследовал и страсть к охоте, которая позднее давала ему возможность не только отдохнуть и отвлечься от напряженной журнальной работы, но и способствовала сближению с простыми людьми, с которыми у него всегда были самые теплые и дружеские отношения.

И еще одно увлечение унаследовал Некрасов от отца — страсть к игре, не только помогавшую ему погрузиться в стихию азарта, но и дающую возможность познакомиться с представителями высших бюрократических кругов петербургского общества, с которыми он играл в Английском клубе. Через них он решал дела, связанные с изданием журналов «Современник» и «Отечественный записки», а иногда и мог поправить свои материальные дела. В отличие от своих предков, Некрасов играл трезво и почти никогда не проигрывал. Игру он рассматривал как часть своего образа жизни и находил, что она пошла ему «впрок», о чем и писал в одном из своих стихотворений:

Отец мой был охотник и игрок,
И от него в наследство эти страсти
Я получил — они пошли мне впрок.

Тем не менее трудно сказать, что стало бы с юным Некрасовым, чье воспитание протекало в столь неприглядной обстановке, если бы рядом с ним не было его матери — Елены Андреевны (урожденной Закревской). Поэт не один раз говорил, что она спасла его душу от растления, что именно мать внушила ему мысль о жизни во имя «идеалов добра и красоты».

Женщина удивительно мягкая, добрая, прекрасно образованная, Елена Андреевна была полной противоположностью своему грубому и ограниченному мужу. Брак с ним был для нее подлинной трагедией, и всю свою любовь и нежность она отдавала детям. Елена Андреевна серьезно занималась их воспитанием, много читала им, играла для них на фортепьяно и пела. По словам поэта, она была «певицей с удивительным голосом».

Маленький Некрасов был горячо привязан к своей матери, с ней проводил он много часов, ей доверял свои сокровенные мечты. В своих стихах не раз вспоминал и «печальный взор», и «тихий шаг» матери, и «бледную руку», ласкавшую его. О том, как относился Некрасов к своей матери, рассказал в своих воспоминаниях Достоевский:

«Он говорил мне... со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как он говорил о своей матери, та сила умиления, с которой он вспоминал о ней, рождали уже и тогда [речь идет о 1840-х годах] предчувствие, что если и будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то, уж конечно, лишь одно это первоначальное детское впечат-

ление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали... с мученицей матерью, с существом, столь любившим его».

Елена Андреевна мечтала, чтобы ее сын получил хорошее образование. Позднее Н. Чернышевский писал: «Мать хотела, чтобы он был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в университет, потому что образованность приобретается в университете, а не в специальных школах», куда его намеревался определить отец.

Елена Андреевна была первой ценительницей ранних стихотворных опытов сына и всячески поощряла его занятия литературой.

До конца своих дней Некрасов с глубоким волнением, обожанием и любовью вспоминал свою мать. О ней он писал в стихотворениях: «Родина», «Рыцарь на час», «Мать», «Затворница», «Баюшки-баю», в поэмах «Несчастные» и «Мать».

Образ матери в поэзии Некрасова воплощал в себе беспредельную доброту, высшую справедливость и был возведен в идеал, сродни Божьей матери, главной защитницы всех страждущих, гонимых и угнетенных. Великое светлое слово «мать» вызывало у поэта чувство благоговения, поскольку воплощало в себе высшее проявление человечности.

Некрасов рос в непосредственной близости к простому народу и постоянно общался с крестьянскими детьми. Отец запрещал ему водить знакомство с деревенскими ребятами. Но стоило ему куда-нибудь отлучиться, как мальчик тайком убежал в деревню, где у него было множество друзей. Вместе с ними он ходил в лес за грибами и ягодами, рыбачил, купался, принимал участие в ребячьих играх и проказах. Наверное, не было в Грешневе ни одной избы, где бы не побывал маленький Некрасов и где бы у него не было приятелей. Но он никогда не пытался верховодить в играх с деревенской детворой и никогда не подчеркивал своего барского происхождения. Поэтому крестьянские дети видели в нем не барчонка, а просто товарища, с которым можно не только поиграть, но и подражаться.

Очень рано в характере Некрасова проявились черты настойчивости. По рассказам сестры поэта А. Буткевич, обучаясь верховой езде, он часто падал. Один раз он упал восемнадцать раз. Но это не остановило его. В конце концов Некрасов стал прекрасным наездником и не боялся садиться на самого норовистого коня. Воля и настойчивость, выработанные в детстве, не один раз позднее выручали поэта в трудные моменты жизни.

Дом Некрасова стоял у самой дороги, которую называли не только почтовым трактом, но и Сибиркой и Владимиркой. Множество людей проходило и проезжало по этой дороге. На все это жадно смотрели маленький Некрасов и его сверстники, крестьянские ребята. Но самое сильное и порой жуткое впечатление производили на будущего поэта партии закованных в цепи каторжников и ссыльных, которые одна за другой проходили по дороге, направляясь в далекую и холодную Сибирь (отсюда и название дороги — Сибирка).

Невдалеке от Грешнева протекала Волга. Вместе со своими деревенскими друзьями Некрасов часто бывал на волжском берегу. Целые дни проводил он здесь, помогал рыбакам, бродил с ружьем по островам и часами любовался вольными просторами великой реки:

О Волга!., колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?

Но однажды мальчик был потрясен открывшейся перед его глазами картиной: по берегу реки, почти пригнувшись головой к ногам, толпа изможденных бурлаков из последних сил тянула огромную расшиву (баржу). А над нею как будто повисла тоскливая, похожая на стон песня:

И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

Некрасов иногда подходил к бурлакам, располагавшимся привалом у реки; внимательно всматривался в их лица, прислушивался к разговорам, которые они вели между собой.

Н. Чернышевский уже после смерти поэта писал:

«Однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разговор бурлаков, слышанный им ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которые хочет написать. Прочитав через несколько времени пьесу “На Волге”, я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан с совершенной точностью, без всяких прибавлений или убавлений...»

В 1832 году Некрасов вместе с братом Андреем поступил в Ярославскую гимназию. Обучение там было поставлено не лучшим образом. Впрочем, братья Некрасовы особым прилежанием не отличались и к учебе относились без должного усердия. Учился Некрасов не столько плохо, сколько неровно. Одаренный от природы цепкой памятью и острым умом, он многое схватывал на лету, умел толково пересказать услышанное и порой получал хорошие оценки. Но это было в первые годы пребывания в гимназии, а позднее интерес к учебе у него почти пропал. Для него, как и для многих других учеников, была глубоко неприемлема система образования в гимназии, да и преподаватели не вызывали у него ни уважения к себе, ни интереса к дисциплинам, которые они вели.

Товарищи любили Некрасова за живой и общительный характер, за начитанность и умение рассказывать. Один из его одноклассников, М. Горошков, вспоминал:

«Мы, товарищи, очень любили Николая за его характер и особенно за его замечательные рассказы: все, бывало, рассказывает он нам эпизоды из деревенской жизни... Наружность Некрасова помню до сих пор хорошо; — как живой, стоит он передо мной: коренастый, небольшого роста, красивый по наружности, остриженный, в своем форменном однобортном со светлыми пуговицами и красным воротником сюртуке».

И отметил:

«В классах Николай бывало, все сидит и читает, а в перемены что-нибудь рассказывает из деревенской жизни».

Читал Некрасов, действительно, много, хотя и довольно беспорядочно. Книги он брал в гимназической библиотеке, иногда обращался к учителям гимназии. Кроме того, в Грешневе хранилось несколько книг. Однажды, копаясь в «заброшенном шкафу», Некрасов нашел там рукописный список оды Пушкина «Вольность» и перевод поэмы Байрона «Корсар». Особенно сильное впечатление произвело на него пушкинское произведение. «Вольность» он неоднократно вспоминал в своих «Автобиографических записях» и знал наизусть чуть ли не всю оду. Позднее Некрасов напишет:

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, названье ей: Свобода.

В это же время он познакомился с произведениями Жуковского, с романом Пушкина «Евгений Онегин», стал читать и журналы, среди которых были лучшие издания того времени — «Библиотека для чтения», «Московский телеграф» и «Телескоп».

Интерес к творчеству у Некрасова пробудился очень рано. Но до поступления в гимназию он писал стихи от случая к случаю. И, конечно же, это были слабые, наивные попытки срифмовать несколько строк. Теперь же к поэзии он стал относиться серьезнее. Сначала Некрасов пробовал писать сатиры на своих товарищей, а потом и лирические стихотворения. «А главное, — вспоминал поэт, — что ни прочту, тому и подражаю. Так к 15 годам составила целая тетрадь, которая сильно подмывала меня ехать в Петербург».

Летом 1837 года Некрасов оставил гимназию. В прошении отца это мотивировалось следующим образом:

«Сын мой Николай... по расстроенному здоровью взят был мною для пользования в дом мой и продолжать науки в гимназии не мог...»

Однако дело заключалось вовсе не в «расстроенном здоровье». В последний год успехи в учебе Некрасова были более чем скромны. По многим предметам он оказался неаттестованным, к экзаменам не был готов. Ко всему прочему Алексей Сергеевич отказался платить за обучение своих детей.

Целый год Некрасов прожил дома, в Грешневе. И все это время его неотступно преследовал вопрос: что делать дальше? Отец хотел, чтобы сын поступил в Дворянский полк (так называлось военно-учебное заведение для детей дворян) и получил военное образование. Но будущего поэта военная карьера совсем не привлекала. Некрасов мечтал учиться в университете, а потом заняться литературным трудом.

Петербург. Начало литературной деятельности

Некрасову не было еще семнадцати лет, когда он, по его собственным словам, «надув отца притворным согласием поступить в Дворянский полк» и преисполненный самых радужных надежд, приехал в Петербург:

Я отроком покинул отчий дом
(За славой я в столицу торопился)... —

писал Некрасов позднее в одном из своих стихотворений. Но неласково встретила юношу столица, где у него не было ни родных, ни знакомых, ни покровителей. Деньги, привезенные из дома, быстро растаяли. Из гостиницы, где Некрасов сначала поселился, пришлось перебраться на дешевую квартиру на Малой Охте, где селились преимущественно малоимущие и мастеровые люди. Узнав, что сын нарушил его волю и не собирается поступать в Дворянский полк, отец прислал ему грубое письмо и отказал в помощи. На что Некрасов ответил: «Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма». Отношения с отцом были прерваны на несколько лет. «Я был один-одинешенек в огромном городе, наполненном полумиллионом людей, которым решительно не было до меня никакой нужды», — писал Некрасов в своем автобиографическом романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

Тяжелое наступило время. В университет поступить не удалось — слишком скудны оказались знания, полученные в гимназии. Надо было думать о хлебе насущном. Нашлись знакомые, которые попытались помочь молодому поэту и пристроить в печать его стихотворения. Несколько произведений Некрасова было опубликовано в журналах «Сын Отечества», «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» и несколько позже в «Библиотеке для чтения». Но начинающим авторам платили мало, а то и вообще не платили, считая, что они должны быть довольны уже тем, что увидели свое имя в печати.

Началась жизнь, полная лишений. Некрасов скитался по петербургским трущобам, жил в подвалах и на чердаках, зарабатывал деньги перепиской бумаг, составлением всякого рода прошений и ходатайств для бедных людей. Поэт рассказывал, что «бывали такие тяжелые для него месяцы, что он ежедневно отправлялся на Сенную площадь, и там за 5 копеек или за кусок белого хлеба писал крестьянам письма, прошения, а в случае неудачи на площади, отправлялся в казначейство, чтобы расписываться за неграмотных и получить за это несколько копеек».

Но жизненные невзгоды не сломили Некрасова, не поколебали в нем страстного желания учиться. Он продолжал мечтать о поступлении в университет и упорно готовился к экзаменам.

«Поступить в студенты, — писал Некрасов в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», — сделалось единственной моей целью: с завистью смотрел я на каждого юношу, одетого в студенческую форму. Меня и одушевляли мечты, что наконец вырвусь я когда-нибудь из бедственного моего положения, что дадут мне наконец теплый угол и кусок хлеба, который я буду есть, не краснея, в твердой надежде заплатить со временем благодетельной руке, подающей мне этот кусок, трудами всей грядущей жизни моей,

всем, на что подвинет меня развитый наукой разум и благодарностью полное сердце... Увы! Надежда моя не сбылась: я не был принят».

Правда, Некрасов был зачислен в качестве вольнослушателя и даже был освобожден от платы за слушание лекций, но, как он сам потом писал:

«Учиться и зарабатывать хлеб <было> трудно, и я бросил...»

А жить действительно становилось все труднее и труднее.

«Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным, – говорил Некрасов незадолго до смерти критику А. Скабичевскому. – Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан на Морской, где давали читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь, бывало, для виду газету, а сам подвинешь к себе тарелку с хлебом и ешь».

Только крепкий от природы организм, настойчивость в достижении поставленной цели и воля помогли Некрасову преодолеть все невзгоды, не потерять веру в себя, в свой талант, в свое предназначение.

По совету одного из своих знакомых Некрасов решил собрать свои опубликованные и неопубликованные стихотворения и издать их отдельной книжкой под названием «Мечты и звуки». Когда уже было получено цензурное разрешение, молодого поэта стали одолевать сомнения. Чтобы развеять их, он отправился за советом к В. Жуковскому. Маститый поэт встретил Некрасова приветливо, взял сборник и просил зайти через три дня. В назначенное время Некрасов явился за ответом. Жуковский указал ему на два удачных стихотворения, а сборник посоветовал не издавать или напечатать без имени автора. «Впоследствии вы напишите лучше, и вам будет стыдно за эти стихи», – добавил он.

Но изменить что-либо было уже поздно. Сборник «Мечты и звуки» вышел в начале 1840 года. Свое имя Некрасов скрыл под инициалами «Н. Н.». Как и предполагал Жуковский, книга успеха не имела. Некрасов вспоминал:

«...Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был единственный случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение».

И действительно, никогда, даже в самые трудные периоды жизни Некрасов не отвечал на злобные нападки и клеветнические измышления своих врагов и предававших его друзей. И только в стихах он порой изливал горечь накопившихся обид, да и то, как правило, не предавал их гласности.

Правда, некоторые критики отозвались о «Мечтах и звуках» довольно благосклонно. Но, по словам самого поэта, «...всех более огорчила и оскорбила меня критика журнала, в котором участвовали люди, недовольные настоящим порядком вещей и стремившиеся к идеалу какой-то другой, более истинной и плодотворной литературы». В данном случае речь шла об отзыве В. Белинского, опубликованного в лучшем журнале того времени «Отечественные записки», в котором говорилось:

«Если в прозе нет даже и чувства и воображения, то может быть ум, остроумие, наблюдательность или хоть гладкий язык; но если в стихах не видно положительного художественного дарования, нет поэзии, — то уже нет ровно ничего, даже гладкость и звучность стиха в них не достоинство, а, скорее, порок, ибо возбуждает в читателе не удовольствие, а досаду».

Критик отнес автора сборника «Мечты и звуки» к фразерам, «наклепывающим на себя разные ощущения, чувства и мысли, которых в нем не было, нет и не будет». И вывод был беспощаден: «Посредственность в стихах нестерпима».

Великий критик был во многом прав. В первый сборник Некрасова вошли стихи во многом подражательные, написанные в духе угасавшего в то время романтизма. В них слышались перепевы (и далеко не всегда удачные) произведений Жуковского, Баратынского, Бенедиктова, и других поэтов-романтиков, а также отголоски мотивов поэзии Пушкина и Лермонтова.

При всем достаточно резко отрицательном отношении к первым стихам Некрасова, Белинский тем не менее отметил, что в произведениях молодого поэта «есть и душа, и чувство», только «они и остались в авторе, а в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость и — скука».

Тем не менее критика, хотя и с оговорками, в целом сочувственно отнеслась к сборнику «Мечты и звуки». Однако читающая публика стихи Некрасова полностью проигнорировала, а розданные поэтом в магазины на комиссию книги оказались невостребованными. Позднее Некрасов вспоминал:

«...Прихожу в магазин через неделю — ни одного экземпляра не продано, через другую — то же, через два месяца — то же. В огорчении собрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах».

На какое-то время, по словам самого Некрасова, он «перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические» — ради заработка. И только спустя несколько лет Некрасов вернется к серьезным стихам, и они станут главным делом его жизни. А пока он понял лишь одно — нужно работать, работать не покладая рук, постигать тайны поэтического искусства, совершенствовать писательское мастерство, работать, чтобы заявить о себе в литературе и, наконец, работать, чтобы не умереть с голоду.

«Господи! сколько я работал! Уму не постижимо, сколько я работал, полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот <в другой записи: до трехсот> печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург», —

вспоминал позднее поэт.

Трудно жилось Некрасову в эти годы. Порой его обуревали сомнения: а тот ли жизненный путь он выбрал? О том, что поэт чувствовал и переживал, что мучило и тревожило его тогда, он поведал в единственном сохранившемся письме к сестре Елизавете от 9 ноября 1840 года, где, в частности, говорилось:

«Когда же мне будет весело? — спрашиваю я сам себя. Видно, еще пора не пришла, может быть, и не будет ее. Что это за странная, за беспокойная жизнь человеческая, которая сама не знает, чего ищет, чего ждет... Лучше не расшевеливать души, не бросать искры в порох, а жить так однообразно и инстинктивно, как живут многие, как многим жить суждено и как многим жить нравится. Не в том ли и состоит искусство жить, чтоб уметь самого себя заставить признаться, что не стоит жить; что ты не живешь, а состоишь на службе, которой отставка — смерть?...»

Между тем в литературном мире у Некрасова появились новые знакомые. Они помогли ему начать сотрудничать в таких газетах и журналах, как «Литературная газета», «Пантеон русского и всех европейских театров» и др. О чем только не писал в эти годы Некрасов, в каких только жанрах не выступал! Из-под его пера выходили рассказы и повести, пьесы и водевили, фельетоны, критические статьи и рецензии, азбуки и сказки. Свои произведения Некрасов печатал, как правило, под псевдонимами Феоклист Онуфрич Боб, Н. Перепельский, Бухалов, Иван Бородавкин, Пружанин и др. Конечно, многое из написанного в это трудное для поэта время создавалось ради куска хлеба. И где уж тут было думать о глубине и тщательности литературной отделки! С горечью писал Некрасов о себе в одном из стихотворений, включенных в роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»:

Как тут таланту вырасти,
Как ум тут развернешь,
Когда в нужде и сырости
И в холоде живешь!
Когда нуждой, заботою
Посажен ты за труд
И думаешь работая:
Ах, что-то мне дадут!..

Сам поэт очень сурово судил свое раннее творчество. «Я писал из-за хлеба много дряни, — отмечал он в «Автобиографических записях», — особенно повести мои, даже

поздние, очень плохи — просто глупы...» Но в неустанном труде вырабатывался мастер. Среди огромного количества слабых и несовершенных произведений, написанных им, все чаще попадались вещи, отмеченные печатью подлинного таланта, а суровая, полная лишений жизнь литератора-труженика заставила пристальнее вглядываться в окружающую действительность и делать выводы социального порядка. Некрасов увидел поразившие его контрасты большого города, где рядом уживались нищета и богатство, непосильный труд и праздность. Он начинает понимать, что причина этого заключается в несовершенстве общественных отношений. Все это привело к тому, что из произведений Некрасова мало-помалу начинают исчезать романтическая мечтательность и отвлеченные идеалы. Теперь он ведет читателя в мир обездоленных и обиженных людей, ютящихся в подвалах и на чердаках, в мир, где унижается человеческое достоинство, где в борьбе с голодом и нищетой гибнут прекрасные надежды и мечты. В произведениях Некрасова начинает звучать ненависть к сильным мира сего, к сытым и довольным, ко всякого рода угнетателям — от помещика-самодура до чиновника-взяточника. Некрасов не был первым русским писателем, обратившимся к изображению противоречий большого города. У него был великий учитель — Гоголь, и молодой поэт стал достойным продолжателем его традиций. Позднее Некрасов вместе с Белинским активно включился в борьбу за упрочение в русской литературе гоголевского направления.

В первой половине 1840-х годов Некрасов, как и многие его современники, страстно увлекался театром. Он бывал на всех театральных премьерах, познакомился со многими известными артистами, писал для журналов театральные обозрения «Летопись русского театра» и рецензии на спектакли, создал несколько водевилей, которые с большим успехом прошли на сцене Александрийского театра (например, «Актер», «Шила в мешке не утаишь — девушку под замком не удержишь» и др.).

Знакомство с Белинским. Начало «Современника»

В 1842 году произошло событие, которое стало поворотным в жизни Некрасова, — он познакомился и вскоре подружился с Белинским. К тому времени великий критик находился в центре литературного движения эпохи, и его мировоззрение приобретало уже революционно-демократический характер. Белинский принял самое горячее участие в судьбе молодого поэта. Он угадал в Некрасове высокоодаренного человека и всячески способствовал развитию его таланта. Великий критик приобщал Некрасова к интересам, которыми жила в те годы лучшая часть русской интеллигенции, помог ему подняться до уровня передового и просвещенного деятеля.

«Белинский видел во мне, — вспоминал Некрасов, — богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то и держались его беседы со мною... имевшие для меня значение поучения».

«Ясно припоминаю, — рассказывал Некрасов Н. Добролюбову, — как мы с ним вдвоем, часов до двух ночи, беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустевшим улицам в каком-то возбужденном настроении, сколько было для меня нового в высказанных им мыслях... Заняться своим образованием у меня не было времени, надо было думать о том, чтобы не умереть с голоду. Я попал в такой литературный кружок, в котором скорее можно было отупеть, чем развиваться. Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше! Я был бы не тем человеком, каким теперь!»

В свою очередь Белинский, по словам И. Панаева, полюбил Некрасова «за резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добываясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который он вынес из своей труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал... Ни в одном из своих приятелей Белинский не находил ни малейшего практического элемента и, преувеличивая его в Некрасове, смотрел на него с каким-то особым уважением».

Вместе с тем, Белинский не мог не видеть, что Некрасов при всей незаурядности и одаренности своей натуры, был человеком недостаточно образованным и горячо принялся за его умственное развитие. П. Анненков вспоминал:

«В 1843 году я видел, как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: “Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”».

Некрасов ценил доброе отношение к себе Белинского и отвечал ему глубокой привязанностью и любовью. Недаром Достоевский писал:

«Некрасов благоговел перед Белинским и, кажется, всех больше любил его за всю свою жизнь».

Уроки Белинского не прошли для Некрасова даром. Под влиянием постоянного общения с великим критиком, продолжительных бесед с ним по самым различным вопросам, от литературных до общественно-политических, взгляды молодого поэта приобрели определенную стройность и цельность. Он становится убежденным демократом, активным сторонником и пропагандистом «натуральной школы». Позднее Некрасов так говорил в «Медвежьей охоте» о благотворном влиянии Белинского на становление своего мировоззрения:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Белинский внимательно следил за творчеством Некрасова, помогал советами, старался привлечь его к более активному сотрудничеству в журнале «Отечественные записки», где возглавлял критический отдел. В конце жизни в своих «Автобиографических записях» Некрасов отметил:

«...Сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 1844 г. стихотворение “Родина”, написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать».

Сажу дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда, впервые встречаю Тургенева. Читаю ему “Родину”. Он в восторге: “Я много писал стихов, но так написать не могу, – сказал Тургенев, – мне нравятся и мысли, и стих”».

Чуть позже Некрасов прочитал Белинскому и его друзьям стихотворение «В дороге», в котором говорилось о печальной судьбе простой крестьянской девушки, воспитанной в барском доме, а затем выданной замуж за темного, но по-своему доброго парня-ямщика. Прослушав стихотворение, Белинский, по словам Панаева, обнял Некрасова и со слезами на глазах сказал:

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?

Белинский с его безукоризненным эстетическим вкусом чутко уловил в стихотворении Некрасова то, чего еще не знала русская поэзия. Критика поразило даже не столько содержание произведения, хотя рассказанная в нем трагическая история крепостной девушки, получившей воспитание в помещичьем доме, а затем по прихоти барина отданной в крестьянскую семью, где ее ждала неминуемая гибель, сама по себе не могла оставить его равнодушным. Белинский увидел, что Некрасов совершенно по-новому подошел к раскрытию народной жизни не через слияние с народом, а заставил говорить о ней представителя самого народа. Некрасов не только вложил в уста крепостного крестьянина рассказ о трагической истории своей семьи, но и сумел выявить всю сложность и неоднозначность народного сознания, как результат множества разного рода обстоятельств как внешних, так и идущих от особенностей склада характера русского крестьянина, и показал, как у него возникает мысль об истинных виновниках горькой участи своей жены:

Погубили ее господу,
А была бы бабенка лихая.

Стихотворение «В дороге» открывало собой новую страницу в раскрытии народной жизни. По словам Ап. Григорьева, некрасовское произведение «...совместило, сжало в одну поэтическую форму целую эпоху прошедшего. Но оно, это небольшое стихотворение, как каждое могучее произведение, забрасывало сети и в будущее».

Примером этому могут служить знаменитые «Записки охотника», в которых Тургенев вслед за Некрасовым стремился раскрыть сущность народных характеров, сформировавшихся под влиянием внешних обстоятельств и специфических особенностей духовного склада.

Сам Некрасов, конечно же, хотя, может быть и не совсем отчетливо, но понимал, что его подход к изображению народной жизни и народных характеров носит принципиально новый характер. Как вспоминал один из современников поэта Ап. Григорьев, Некрасов как-то сказал:

«Да. Лермонтов, кажется, вышел бы на настоящую дорогу, то есть на мой путь, и, вероятно, с гораздо большим талантом, чем я, но умер рано... Передо мной никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»

Отныне каждое стихотворение Некрасова воспринималось в кружке Белинского как событие. Некрасов стал первым поэтом, в творчестве которого находили отражение важнейшие принципы «натуральной школы»: интерес к жизни простого народа — и в первую очередь трудового крестьянства и городских низов, — ненависть к крепостному праву, ко всякого рода бюрократам, взяточникам, помещикам-самодурам.

Одно за другим появляются стихотворения Некрасова о крестьянской жизни: о судьбе «мужика-вахлака», который осмелился полюбить дворянскую дочь («Огородник»), о бедняке, для которого уготовлена только одна дорога — «к кабаку» («Пьяница»), о сельской красавице, которую ожидает горькая доля русской женщины («Тройка»). Одновременно поэт с гневом пишет о чиновнике, который ради карьеры не гнушается никакими средствами и доползет ужом «до хорошего местечка», купит дом и схватит «крупный чин» («Колыбельная песня»), об алчном и лицемерном буржуа-накопителе («Современная ода»).

Эти стихотворения открывали новую страницу в развитии русской поэзии. Впервые перед читателем так полно предстала жизнь разных сословий и прежде всего представителей социальных низов — крестьян, городских бедняков, мелких чиновников, нищей богемы. Рассказывая о горькой доле своих героев, Некрасов стремился напрямую связать их поступки и переживания с условиями их повседневной жизни и социальным положением.

В новых стихах Некрасова проявилось редкое умение проникнуть в мир другого человека, передать строй его мыслей, раскрыть движение и развитие его чувств. В лирике поэта наряду с авторским сознанием почти всегда существует другое сознание, отличающееся от него, а порой открыто ему противопоставленное. Тем самым лирика Некрасова перестала быть монологичной, выражением только авторских мыслей, чувств и переживаний. Некрасовская лирика становится многогеройной и многоголосой. Некрасов сумел войти в мир многих людей, стать поэтом толпы.

Появление в стихах Некрасова разного рода героев привело к существенному изменению структурообразующих начал в его лирике, где важную роль начинает играть повествовательный сюжет. Это привело к тому, что многие произведения превратились в стихотворные рассказы или стихотворные новеллы (например, «В дороге», «Огородник», «Еду ли ночью по улице темной...» и др.).

Некрасов не только расширил тематический диапазон поэзии и наполнил ее новым содержанием, но и внес существенные изменения в весь строй поэтической речи. Он обогатил язык поэзии словами, конструкциями и оборотами национального языка, смело ввел в свои стихотворения элементы простонародного говора, избежав при этом не-

оправданного использования диалектизмов и арготизмов. Опираясь на достижения поэзии Пушкина и Лермонтова, Некрасов сумел преодолеть обособленность поэтического языка и сблизить его с языком прозы.

В это же время Некрасов четко и ясно определил сущность своей поэзии, создав поразительный по своей глубине и выразительности образ своей Музы:

Вчерашний день, в часу шестом,
Зашел я на Сенную,
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Это стихотворение, созданное в 1848 году, при жизни Некрасова не печаталось, но поэт во многих своих произведениях не один раз будет говорить о своей Музе как сестре народа («Сестра народа — и моя!»), о том, что никогда не прерывался «прочный и кровный» союз его Музы и народа, что она всегда была «печальной спутницей печальных бедняков». И в самом последнем своем стихотворении «О Муза! я у двери гроба!..» он снова напомнит, что только

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

В середине 1840-х годов началась активная деятельность Некрасова как издателя. Поэт оказался прекрасным организатором. Он почувствовал, что пришло время более тесно сплотить ряды передовых русских литераторов, объединить их вокруг одного печатного органа с единой идейной и художественной платформой. И в этом его поддержал и оказал самую существенную помощь Белинский. В 1844–1845 годах Некрасов выпустил два тома альманаха «Физиология Петербурга», а в 1846 году — «Петербургский сборник».

Альманахи, подготовленные Некрасовым, открыли русскому читателю неведомые ранее стороны российской действительности. Познакомили с новыми, почти не встречавшимися в литературе героями (дворники, прачки, шарманщики и др.), обострили внимание к социальным вопросам. Кроме того, некрасовские альманахи дали возможность представителям «натуральной школы», лучшим писателям гоголевского направления выступить единым фронтом, заявить о себе как о главной, ведущей силе в русской литературе.

Альманахи «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник» были тепло встречены публикой и получили высокую оценку передовой критики в лице Белинского.

Успех окрылил Некрасова, и он задумал новое литературное предприятие — издавать свой собственный журнал, который должен был стать, по его мнению, оплотом передовой русской общественной и литературной мысли. По замыслу Некрасова, новый журнал должен был вести борьбу с крепостничеством, с основами самодержавного строя и с реакционной литературой. С помощью друзей поэт вместе с Панаевым в конце 1846 взял в аренду журнал «Современник», основанный еще Пушкиным. Когда-то это был один из лучших русских журналов, но теперь, под редакцией П. Плетнева, влачил жалкое существование. Некрасов произвел полную реорганизацию журнала. Ведущими сотрудниками «Современника» стали Белинский, Герцен, Тургенев, Гончаров и другие передовые писатели и поэты того времени.

Первый номер обновленного «Современника» вышел из печати в январе 1847 года. Это было событие огромного общественного и литературного значения. В России появился наконец журнал, открыто выступавший за освобождение крестьян и возглавивший борьбу лучших сил передовой русской интеллигенции против мерзостей «гноусной рассей-

ской действительности» (Белинский). Направление «Современника» было охарактеризовано Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», опубликованной уже в первом номере некрасовского журнала. В ней говорилось:

«Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью...»

Общественные и политические принципы, которыми руководствовался журнал, Белинский смог сформулировать без всяких оглядок на цензуру только в своем знаменитом «Письме к Гоголю», где критик писал:

«Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть».

Уже в первые два года издания «Современника» на его страницах были опубликованы такие выдающиеся произведения русской классической литературы, как «Кто виноват?», «Из записок доктора Крупова» и «Сорока-воровка» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, первые рассказы Тургенева из цикла «Записки охотника», годовые обзоры Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года» и другие статьи и рецензии, стихотворения Некрасова «Тройка», «Нравственный человек», «Псовая охота», «Еду ли ночью по улице темной...», стихи Огарева и много других произведений.

Вот как откликнулась «Литературная газета» на появление новых стихов Некрасова:

«Между стихотворениями журнала “Современник” первое место занимают произведения г. Некрасова, которых, к несчастью, весьма немного. Его “Тройка”, “Еду ли ночью по улице темной...” принадлежат к числу лучших стихотворений во всей русской поэзии. Этими небольшими пьесами и двумя прежними “Огородник” и “В дороге” г. Некрасов составил себе громкое имя... В одном стихе г. Некрасова часто больше народности, чувства и мысли, чем в целых томах его хулителей».

Весной 1848 года царское правительство под влиянием революционных событий во Франции и участвовавших выступлений крестьян против помещиков в России предприняло ряд суровых мер для борьбы с любыми проявлениями свободомыслия. За деятельностью «Современника» был установлен строгий цензурный надзор. Любой намек на несовершенство общественных отношений, любая — даже малейшая — критика крепостнических порядков и правительственных распоряжений безжалостно преследовались. Бывали случаи, когда почти половина материалов «Современника», представленных в цензуру, запрещалась. В стране установилась жестокая реакция. «Темная, семилетняя ночь пала на Россию», — писал Герцен. И продолжалась она до самой смерти Николая I в 1855 году.

Трудное время наступило для «Современника». Один за другим в III Отделение стали поступать доносы. В одном из них Белинский обвинялся в пропаганде коммунистических идей и в недостатке уважения к «прежним писателям нашим», а известный своими реакционными взглядами журналист Ф. Булгарин писал об издателе «Современника», что тот «самый отчаянный коммунист» и «страшно вопит в пользу революции». К тому времени Белинский был уже тяжело болен. Но и умирающий он был страшен для правительства. Однажды, когда у постели Белинского сидели Некрасов и Панаев, явился жандарм с повесткой, приглашавшей критика к управляющему III Отделением генералу Дубельту. Узнав, что Белинский не встает с постели, последний заглянул в комнату, чтобы удостовериться в этом. А затем последовало распоряжение: ежедневно докладывать о состоянии здоровья критика в III Отделение.

26 мая 1848 года Белинский скончался. Это была громадная потеря для всей русской литературы.

Смерть Белинского глубоко потрясла Некрасова. Он лишился не только талантливого сотрудника, но и настоящего друга. До конца своих дней поэт помнил заветы своего учителя.

Много лет спустя он говорил Добролюбову: «Жаль, что вы сами не знали этого человека! — Я с каждым годом все сильнее и сильнее чувствую, как важна для меня потеря его». В целом ряде произведений («Памяти приятеля», «В.Г. Белинский», «Медвежья охота») Некрасов с чувством глубокой благодарности, восхищения и любви писал о великом критике, о благотворном влиянии Белинского на его жизнь, взгляды и убеждения. Издавать журнал в обстановке правительственной реакции было не только трудно, но и опасно. По Петербургу ходили упорные слухи, что власти намереваются закрыть «Современник». Управляющий III Отделением генерал Дубельт писал:

«Шеф жандармов имеет неблагоприятные сведения на счет образа мыслей редактора “Современника” г-на Некрасова. Должно наблюдать за ним».

И действительно, вскоре за квартирой, где жил поэт, был установлен тайный надзор. Только благодаря упорству, воле и энергии Некрасова журнал «Современник» был спасен от разгрома. Даже в те страшные годы, о которых Герцен писал, что «наша литература от 1848-го до 1855-го походила на то лицо в Моцартовой “Волшебной флейте”, которое поет с замком на губах», журнал Некрасова оставался самым содержательным и интересным изданием. Правда, без статей Белинского потускнел отдел критики и публицистики, цензура безжалостно кромсала материалы, подготовленные для художественного отдела. Иной раз приходилось буквально на ходу производить замену одного произведения другим, чтобы журнал все-таки вышел в свет. В письмах Некрасова этого периода к друзьям и сотрудникам постоянно встречаются жалобы на то, что «нечего печатать», «нет материалов». Порой положение казалось отчаянным. Но Некрасов не терял присутствия духа. Ценой невероятных усилий ему все-таки удалось сохранить лицо «Современника» и опубликовать на его страницах в период «мрачного семилетия» произведения таких известных русских писателей, как Тургенев, Гончаров, Писемский, Григорович, Даль, таких поэтов, как Огарев, Полонский, Фет и др. Мало того, Некрасов привлек к сотрудничеству в журнале и новые литературные силы. Он первый угадал в никому не известном офицере, приславшем в «Современник» повесть «Детство», подписанную «Л. Н.», будущего гениального художника Л.Н. Толстого, морально поддержал его и заставил поверить в свой талант.

«Я не знаю писателя теперь, — писал Некрасов Толстому в начале сентября 1855 года, — который бы так заставлял любить себя и так горячо себе сочувствовать, как тот, к которому я пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость действительности, глухота и немота окружающего не сделали с Вами того, что с большею частью из нас: не убили в Вас энергии, без которой нет писателя, по крайней мере такого, какие теперь нужны России... Вам предстоит широкое поприще. Вы начинаете тем, что заставляете самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко».

Весной 1853 года в редакцию «Современника» пришел Н. Чернышевский. Уже при первом знакомстве с ним Некрасов сумел по достоинству оценить его незаурядную личность. Обычно довольно скрытный и сдержанный в общении с незнакомыми людьми, Некрасов на этот раз изменил своему правилу и говорил со своим новым знакомым просто и доверительно. Он рассказал Чернышевскому о положении дел в «Современнике», которое в то время было далеко не блестящим. В обстановке реакции, царившей в стране, и жесткой цензуры, редакции «Современника» нелегко было поддерживать высокий идейно-художественный уровень журнала. На его страницах в период «мрачного семилетия» не так уж часто печатались талантливые произведения, и это не могло не сказаться на подписке. Мало было подписчиков, мало было и денег в кассе. Об этом Некрасов откровенно поведал Чернышевскому и пригласил его сотрудничать, обещая по мере возможности снабжать его работой.

Первая публикация Чернышевского появилась в январской книжке «Современника» за 1854 год, и начиная с этого времени редкий номер журнала выходил без его статьи или рецензии.

Сотрудничество в «Современнике» Чернышевский довольно продолжительное время совмещал с работой в журнале «Отечественные записки». Но вскоре ему пришлось

сделать выбор. И хотя финансовое положение «Современника» было не очень прочным, и Некрасов не всегда мог вовремя платить гонорар (о чем предупредил Чернышевского и даже советовал ему предпочесть своему журналу «Отечественные записки»), тем не менее Чернышевский выбрал «Современник», поскольку, как писал позднее, «чувствовал привязанность к Некрасову». Вскоре он стал ведущим сотрудником журнала и руководителем отдела критики.

Друзья Некрасова и главные сотрудники «Современника» — И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, В.П. Боткин, П.В. Анненков — весьма настороженно отнеслись к появлению в своем кругу Чернышевского. Они не разделяли его материалистических взглядов на искусство, а написанную им диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» встретили в штыки. Пользуясь любым случаем, они стремились внушить Некрасову мысль, что Чернышевский чужой для «Современника» человек, что от его статей веет «мертвечиной» и что с ним необходимо расстаться.

Однако их попытки не увенчались успехом. У Некрасова уже сложилось свое мнение о Чернышевском. Он высоко ценил его как человека, общественного деятеля и журналиста. Об этом свидетельствуют строки из одного из писем к Тургеневу: «Чернышевский просто молодец, помяни мое слово, что это будущий русский журналист почище меня грешного, и т.п.». В статьях Чернышевского Некрасов чувствовал ту «живую струю», которая была так нужна русскому обществу.

Понимая, что цензура в любой момент может запретить любое произведение, даже уже и набранное в типографии, и желая обеспечить журнал материалом, которым всегда можно было бы заполнить появившуюся брешь, Некрасов вместе с А.Я. Панаевой, писавшей под псевдонимом Н. Станицкий, приступил к работе над большим романом «Три страны света» (1848–1849). В письме к Тургеневу поэт признавался, что обстоятельства заставили его «пуститься в легкую беллетристику». Вместе с Панаевой Некрасов написал еще один большой роман — «Мертвое озеро» (1851).

Совместная работа сблизила поэта с Панаевой, которую он уже давно любил. Вскоре она стала его гражданской женой.

Все, кто знал Авдотью Яковлевну Панаеву в 1840–1850-е, в один голос говорили о ней как о женщине замечательной красоты и обаяния, умной и интересной собеседнице, гостеприимной хозяйке. В течение восемнадцати лет ее жизнь была теснейшим образом связана с Некрасовым. Это был трудный и все же прекрасный союз. Подытоживая годы, прожитые с Панаевой, Некрасов в одном из своих стихотворений писал:

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

Познакомился Некрасов с Панаевой в 1843 году, когда он делал первые шаги в литературе. В доме Панаевых к молодому поэту относились сначала довольно сдержанно и даже подтрунивали над его не очень выразительной внешностью и несветскими манерами. Но постепенно отношение к Некрасову изменилось. Более внимательно стала относиться к нему и Авдотья Яковлевна. Некрасов часто бывал у Панаевых и подолгу беседовал с хозяйкой дома. Мало-помалу они прониклись доверием друг к другу. Панаева рассказывала Некрасову о своей жизни, в которой было мало радостного. Позднее в одном из писем она с горечью восклицала: «Что за детство варварское, что за унижительная юность, что за тревожная и одинокая молодость!»

Так оно и было. Росла Авдотья Яковлевна в актерской семье и в детстве немало претерпела от жестокого отношения со стороны матери. Образование она получила довольно скудное — в казенном театральном училище. Стремясь поскорее покинуть неласковый родительский дом, Авдотья Яковлевна восемнадцати лет вышла замуж за уже известного тогда писателя Ивана Ивановича Панаева. Но брак этот не был счастливым. Панаев был добрым, но легкомысленным человеком. Женившись, он тем не менее

не отказался от своих холостяцких привычек. Большую часть времени проводил в компании друзей, был завсегдатаем модных ресторанов, светских салонов и театров. А его молодая жена тем временем была предоставлена по большей части самой себе.

Нечто подобное переживал и Некрасов. После смерти матери и старшей сестры у него не оказалось рядом ни одного близкого человека, которому он мог бы открыть свою душу. И вот в Авдотье Яковлевне он нашел такого человека. Ко всему прочему, у них было много общих интересов, их волновали одни и те же вопросы, объединяли общие симпатии и антипатии, стремления и надежды.

Став в 1848 году гражданской женой Некрасова, Панаева проявила несомненный акт мужества. Она не побоялась людской молвы, нелепых слухов, насмешек и презрения. Даже многие близкие люди отвернулись от нее. «Моя мать и сестры, – вспоминала Авдотья Яковлевна спустя много лет, – с презрением смотрели на меня...» Но она прошла и через это. «Без клятв и без общественного принуждения я все сделала во имя любви, что в силах сделать любящая женщина», – такую запись сделала Панаева в записной книжке поэта весной 1855 года. И это была правда. Авдотья Яковлевна любила Некрасова и была ему благодарна за пусть даже не очень долгое счастье. Об этом свидетельствуют и написанные ею на склоне лет воспоминания, в которых имя поэта всегда упоминается с теплом и участием.

Союз с Панаевой, по словам Чернышевского, оказал на Некрасова «благотворное влияние». Он обрел, наконец, дом, семью и верного друга. Их союз был еще и творческим союзом, соединившим двух литераторов-художников. Авдотья Яковлевна помогала Некрасову в его редакторских делах по изданию «Современника». Она и сама была талантливым писательницей. Ее перу принадлежат многие романы, повести и рассказы, которые в течение полутора десятилетий печатались в «Современнике».

И в то же время их совместная жизнь не была безоблачной и порой омрачалась взаимными обидами, ревностью, ссорами, которые можно объяснить не только сложными, с детства изломанными характерами двух любящих людей, но и некоторыми обстоятельствами их жизни — болезнью Некрасова, смертью детей.

В одном из стихотворений Некрасов так характеризовал свои отношения с Панаевой:

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Некрасов любил Панаеву трудной, ревливой любовью. В его отношениях к Авдотье Яковлевне были взлеты, когда он буквально сгорал от любви. Но были и периоды охлаждения, когда Некрасов всерьез намеревался ее оставить. Проходило время, и все возвращалось на круги своя.

Насколько сложными были между ними отношения, свидетельствуют письма поэта, написанные к самым близким людям. Так, в 1856 году он признавался В. Боткину: «Нет, она необходима, столько же, сколько... и не нужна». А год спустя откровенничал с Тургеневым: «...Нет, сердцу нельзя и не должно воевать против женщины, с которой столько изжито, особенно, когда она, бедная, говорит пардон». И наконец, в 1860 году, когда было совершенно очевидно, что разлука неминуема, поэт писал Добролюбову:

«Не желал бы, однако, да и не могу стать вовсе ей чуждым... Без сомненья, наиболее зла сделала мне эта женщина, а только минутами на нее могу сердиться. Нет злости серьезной, нет даже спокойного презрения. Это, что ли, любовь? Черт бы ее взял. Когда ж она умрет! Я начинаю злиться. Сколько у меня было души, страсти, характера и нравственной силы — все этой женщине я отдал, все она взяла, не поняв (в ту пору, по крайней мере), что таких вещей даром не берут, — вот теперь и черт знает, к чему пришло...»

В середине 1863 года Некрасов расстался с Панаевой.

Свои чувства, свое отношение к Авдотье Яковлевне поэт передал в целом ряде удивительных по глубине выраженных в них чувств стихотворений, которые условно объединяют в так называемый «панаевский цикл» («Да, наша жизнь текла мятежно...», «Я

не люблю иронии твоей», «Давно — отвергнутый тобою...», «Зачем насмешливо ревнуешь», «Где твое личико смуглое...» и др.).

Но и после окончательной разлуки Некрасов продолжал любить Панаеву. О своем отношении и о своих чувствах к ней он поведал в цикле «Три элегии» (1873). Помнил поэт о своей прежней возлюбленной и в дни предсмертной болезни, когда составлял сборник «Последние песни», куда включил написанное еще в 1855 году и немного переработанное стихотворение «Горящие письма», обращенное к Панаевой.

Сборник «Стихотворения Н.А. Некрасова». 1856

В начале 1850-х годов Некрасов серьезно заболел. Болезнь с каждым годом прогрессировала: сказались годы нищеты, голода, тяжелого изнурительного труда. В ноябре 1853 года Некрасов писал Тургеневу:

«Кажется приближается для меня нехорошее время: с весны заболело горло, и до сих пор кашляю и хриплю — и нет перемены к лучшему, грудь болит постоянно и не на шутку; к этому, нервы мои ужасно раздражительны; каждая жилка танцует в моем теле... каждая мелочь вырастает в моих глазах до трагедии, и вдобавок — стихи одолели, — т. е. чуть ничего не болит и на душе спокойно, приходит Муза и выворачивает все вверх дном...»

Поэт был убежден, что дни его сочтены, и решил, что ему пора подвести итоги своего творческого пути. С этой целью он предпринял издание сборника стихов, для которого отобрал лучшие произведения, написанные им в период с 1845 по 1856 год и наиболее полно отобразившие характерные особенности его поэтической музыки.

Сборник «Стихотворения Н. Некрасова» вышел весной 1856 года. Его появление стало важным общественным и литературным событием.

Сборник открывался стихотворением «Поэт и гражданин», которое по замыслу Некрасова призвано было придать всему сборнику общественно значимый характер и гражданское звучание. Оно было написано в период общественного подъема и отразило позиции двух литературных направлений, сложившихся в литературе того времени, которые условно принято называть демократическим и либеральным.

<...>

Композиция сборника «Стихотворения» была глубоко продумана поэтом. В нем четыре раздела. В первый Некрасов поместил произведения, посвященные разным сторонам народной жизни и судьбам многих людей из народа. Это и угасающая от горя жена ямщика Груша («В дороге»), и раскаявшийся грешник Влас, раздавший свое имение и собирающий на бескрайних русских просторах подаяния на постройку православных храмов («Влас»), и удалой огородник, безвинно осужденный на каторгу («Огородник»), и безродная старушка, потерявшая сына-кормильца Савушку («В деревне») и многие другие.

Бедственному положению крепостных крестьян посвящено и стихотворение «Забытая деревня», в котором Некрасов чутко уловил одну характерную черту, свойственную не только крестьянам, но и многим русским людям — надежду на то, что все их проблемы и трудности решат не они сами, а кто-то другой (в данном случае якобы добрый и отзывчивый барин). Объяснить это можно многовековым бесправным положением народных масс, которое воспитало в них покорность и долготерпение, отучило самостоятельно решать свои проблемы и свою судьбу. И Некрасов не один раз настойчиво повторял, что долготерпение и покорность ни к чему хорошему привести не могут.

Причину бедственного положения народа поэт усматривал не только в условиях его жизни (крепостное рабство, отсутствие справедливых законов и т. п.), но и в его пассивности, в неумении постоять за свои права.

В первый раздел сборника «Стихотворения» вошли произведения, посвященные жизни не только русского крестьянства, но и городской бедноты, обитателей столичных окраин и трущоб («Извозчик», «На улице»).

Для изображения народной жизни Некрасов использовал разные формы повествования. Так, стихотворение «В дороге» построено как рассказ ямщика о своей неудавшейся жизни и трагически сложившейся жизни его жены Груши. Герои стихотворений «Огородник» и «Вино» также сами повествуют о себе и о том, что с ними случилось. В стихотворениях «Влас» и «Забывтая деревня» функции рассказчика переданы лирическому герою (во многом близкому самому автору), а в «Школьнике» можно наблюдать слияние лирического «я» с голосом представителей народа.

При некоторой отстраненности авторского повествования, проявляющегося в ряде стихотворений первой части сборника, нельзя не заметить, что поэт глубоко сочувствует своим героям и выступает в их защиту, что заставляло читателей проникнуться чувством сострадания к миру обиженных и угнетенных.

И еще одна примечательная особенность проявилась в произведениях, включенных в первую часть некрасовского сборника: почти в каждом из них действие происходит на бесконечных проселочных дорогах («В дороге», «Тройка», «Влас», «Школьник» и др.) или на городских улицах («Извозчик», «На улице»), что давало возможность поэту расширить рамки повествования и воспроизвести широкую панораму русской жизни.

Вторая часть сборника составлена преимущественно из произведений, в которых Некрасов сатирически изобразил тех, кто нещадно эксплуатировал трудящийся люд. Причем внимание поэта и здесь сосредоточено не на абстрактных носителях произвола, а на конкретных персонажах, с определенными взглядами, убеждениями и чертами характера. И здесь Некрасов варьирует формы повествования. В одном случае он заставляет своих героев самих рассказывать о себе и своих поступках («Нравственный человек», «Отрывки из путевых записок графа Горанского»), в других — сам повествует о жизни и «деяниях» помещика-крепостника («Псовая охота»), «важной персоны», нажившей богатство несправедливым путем («Секрет»), светского вертопраха («Прекрасная партия»), любвеобильного филантропа, думающего о том «как бы свет весь заново // к общей пользе изменить», но не умеющего отличить «голодного от пьяного» («Филантроп»), «добродетельного» чиновника, лишённого чести и совести («Современная ода») и др.

Особенностью сатирических стихотворений Некрасова является и то, что автор выступает в них не как равнодушный наблюдатель, фиксирующий жизненные явления, проходящие перед его глазами, и рассказывающий о судьбе разных персонажей, попавших в поле его зрения, а как обличитель и судья, открыто выражающий свое отношение к изображаемому. Подобная открытость авторской позиции придавала некоторым его произведениям («Нравственный человек», «Современная ода») ярко выраженное публицистическое звучание и вызывало у читателей чувство ненависти и неприязни не только к отдельным представителям сильных мира сего, но и ко всей системе, в условиях которой они могли действовать и процветать.

Особое место среди сатирических стихов Некрасова занимают произведения, в которых поэт использовал форму хорошо известных стихотворений, наполняя их новым содержанием. Подобный прием часто использовался для создания пародий (примером могут служить знаменитые пародии Козьмы Пруткова). Однако Некрасов вовсе не собирался, например, в стихотворении «Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)» пародировать произведение знаменитого поэта. Это была не пародия, а скорее сатирический «перепев», в котором, воспроизводя ритмико-интонационное звучание и лексику лермонтовской «Колыбельной песни», передающие высокие помыслы материнских устремлений, Некрасов стремился резче оттенить низменность и пошлость норм поведения, вырабатывавшихся в современной ему жизни.

В третий раздел сборника вошла поэма «Саша», в которой Некрасов одним из первых в русской литературе поставил вопрос о том, что в условиях общественного подъема, наступившего в стране во второй половине 1850-х годов, необходим новый герой, что время, когда руководящая роль в обществе принадлежала представителям

дворянской интеллигенции, прошло, так как они оказались нестойкими в своих убеждениях и, проповедуя высокие идеалы и устремления, так и не смогли претворить слово в дело. Именно таким изображен в некрасовском произведении помещик Агарин.

Основное внимание поэт сосредоточил на раскрытии образа обаятельной девушки Саши, стремящейся найти свое место в жизни и быть полезной людям:

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

И пусть сфера ее деятельности еще очень ограничена, но в характере Саши отчетливо проявилось стремление перейти от слов к делу. Ей близки и понятны печали и радости простого деревенского люда, глазами народа смотрит она на природу. Как справедливо отметил Ю. Лебедев, «в повествование о Саше и Агарине, Некрасов вплетает любимую крестьянством евангельскую притчу о сеятеле и ниве. Крестьянин-хлебороб уподоблял просвещение посеву, а его результаты — земным плодам, вырастающим из семян на трудовой ниве. В роли «сеятеля знаний на ниву народную» выступает в поэме Агарин, а благодатной почвой оказывается душа юной героини». Высокие слова Агарина о правде и справедливости, о том, что придет время и «солнышко правды взойдет над землею» нашли горячий отклик у Саши. Некрасов верит, что ее скромная деятельность даст в будущем «пышный плод» и что на смену героям «слова» скоро придут герои «дела». «Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовывать слово с делом — вот чему учила поэма...» — писала позднее активная деятельница революционного движения В. Фигнер.

Последний раздел сборника «Стихотворения. 1856» существенным образом отличается от других его частей. В него вошли тематически разные произведения, что позволило ему воспроизвести жизнь в разных ее проявлениях. Помимо стихотворений, посвященных положению народа («Несжатая полоса») и обездоленного городского люда («Еду ли ночью по улице темной...», «Свадьба», «Петербургское утро» и др.), Некрасов включил сюда произведения автобиографического характера («В неведомой глуши, в деревне полудикой...», «Старые хоромы», «Праздник жизни — молодости годы...» и др.), стихи, содержащие отклик на события, происходящие в мире («Внимая ужасам войны...») и характеризующие его поэтическую Музу («Муза», «Замолкни, Муза мести и печали!...»).

Особое место в заключительной части сборника занимают стихи интимного содержания, в которых нашли отражение сложные и вместе с тем прекрасные отношения поэта с Панаевой.

Любовная лирика Некрасова существенным образом отличалась от любовных стихов других русских поэтов, поскольку у некрасовского лирического героя было свое представление о счастье, свое отношение к возлюбленной. В лирике Некрасова любимая женщина выступает не только как объект обожания и поклонения, а прежде всего как друг и единомышленник лирического героя, равная ему во всем: у каждого из них позади нелегкая судьба, каждому довелось много пережить и выстрадать. Но это не мешает им любить друг друга пусть трудной, не сдержанной в выражении чувств, но глубокой и самоотверженной любовью. Умеют они и прощать невольное нанесенную обиду и нечаянно оброненное резкое слово. Оба они наделены конкретными, реальными живыми чертами людей определенного времени, несущих в себе и в своей любви приметы «больного века» (Некрасов). Отсюда и сложность взаимоотношений двух любящих сердец, часто обремененных житейскими невзгодами, несходством характеров, взаимным недовольством, усталостью от совместного проживания. Одним словом, далеких от гармонии и безоблачного счастья. Сам поэт называл это «прозой любви».

Некрасов впервые ввел в любовную лирику то, что никогда не было предметом изображения в лирической поэзии: ссоры, размолвки, досадные недоразумения:

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна забот...

Или:

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!

Как верно отметил Скатов, в любовной лирике Некрасова (точно так же, как и чуть позже у Тютчева) возникает «не традиционно один, а два характера, из которых женский оказывается чуть ли не главным». Это во многом объясняет и специфический характер любовной лирики Некрасова, которая построена как открытый или внутренний диалог лирического героя с любимой, раскрывающий характер каждого из них.

Героиня некрасовской «лирики сердца» предстает перед нами очень разной. Мы видим ее то взбалмошной, ревливой («Зачем насмешливо ревнуешь?..»), то ироничной («Я не люблю иронии твоей...»), непредсказуемой, готовой вспылить из-за пустяка. Мы слышим ее «необузданную речь», в которой слышатся «ужасные упреки, // Жестокие, неправые...».

Но она бывает и нежной и застенчивой («Пока еще застенчиво и нежно // Свидание продлить желаешь ты...»), кроткой и послушной («Ты так кротка, ты так послушна...»), потрясенной от обрушившегося на нее горя — смерти ребенка («Поражена потерей невозвратной...»)

Иначе выглядит лирический герой. Чаще всего мы видим его грустным («Я сегодня так грустно настроен...»), угрюмым и мрачным («Душа мрачна, мечты мои унылы...»), порой даже озлобленным. Вместе с тем он человек, умудренный жизненным опытом, стремящийся понять и объяснить поведение своей любимой, найти путь к ее сердцу, сгладить возникшие между ними недоразумения:

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Сложные и изменчивые взаимоотношения двух любящих людей требовали качественно нового подхода к их выражению поэзии. В любовной лирике Некрасова мы не увидим господства одного доминирующего чувства, стремления зафиксировать любовь в каком-нибудь одном определенном проявлении, как это было у других поэтов, в произведениях которых на первый план выступали либо мятежная страсть, восторг, упоение или, наоборот, грусть, печаль, сомнение, ревность. По словам Б. Кормана, у Некрасова «любовь предстает перед нами в сложном переплетении прекрасного и прозаического, возвышенного и обыденного». Поэт стремится передать любовное чувство не в его конечном проявлении, а в диалектическом развитии, уловить в нем переходные моменты и тончайшие нюансы.

В «панаевском цикле» запечатлены все этапы сложных отношений Некрасова и Панаевой: зарождение любовного чувства, его развитие, взлеты и падения, радость и печаль, ревность и подозрения, ссоры и примирения, нежность, сменявшаяся отчуждением.

Идейным центром последнего раздела сборника явились произведения, в которых Некрасов высказал свои взгляды на поэзию и охарактеризовал собственное творчество. В стихотворениях «Муза», «Блажен незлобивый поэт...», «Замолкни, Муза мести и печали!..» и некоторых других выражены литературно-эстетические позиции поэта-гражданина, певца народного горя и страданий. В стихотворении «Муза» Некрасов писал, что его Муза «плачущая, скорбящая и болящая», ведущая его «чрез бездны темные насилия и Зла», что она

Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

При всем кажущемся многообразии тем произведений, включенных в этот раздел, в нем просматривается определенная целостность и завершенность. Объединяющим компонентом здесь выступает своеобразно проявляющийся лиризм, в котором

органически соединились глубоко личностное, субъективное начало с объективным изображением окружающей действительности. При этом личность автора воспринимается в данном случае в неразрывном единстве с характерами и судьбами других героев, о которых он повествует. Если в других частях сборника лирический герой, как правило, лишь косвенным образом выражает свое отношение к событиям и к тем, кто в них принимает участие, то теперь он становится непосредственным участником происходящего, что дает ему возможность более определенно судить обо всем увиденном и высказывать свои суждения и оценки.

Особенностью произведений заключительной части сборника является то, что в них отсутствует резкая грань между гражданскими и личными мотивами. Общественное и личное начала проявляются здесь в органическом единстве, поскольку лирический герой осознает свою сопричастность ко всему происходящему вокруг и свою личную ответственность за судьбу страны.

Сборник «Стихотворения» явился важным этапом в творческом развитии Некрасова. Его появление свидетельствовало о рождении в России нового, оригинального и самобытного поэта со своими убеждениями и четко сформулированными задачами, со своим неповторимо звучащим поэтическим голосом. Здесь же Некрасов наметил почти все темы своей поэзии, к которым будет обращаться на протяжении всего творческого пути, главными из которых станет жизнь русского крестьянства, городской бедноты и разночинской интеллигенции. Важной чертой произведений, вошедших в сборник, явилось то, что впервые в русской поэзии у Некрасова лирическое чувство оказалось обращенным не только вглубь самого себя, но и на другого — в первую очередь, на человека из народа, чью судьбу поэт воспринимал с обостренным чувством сострадания и заинтересованности. Недаром Достоевский писал, что Некрасов «неудержимо примыкал в иных великих стихотворениях своих к самой сути народной. В этом смысле это был народный поэт».

В произведениях, вошедших в сборник «Стихотворения», зазвучал голос поэта-новатора, открывавшего новые пути в развитии русской поэзии. Новаторство Некрасова проявилось прежде всего в расширении диапазона лирики, в которой равноправно с авторским сознанием существовали сознания других персонажей и лиц, чьи взгляды и убеждения существенным образом отличались от него, а порой и противостояли ему. Подобное противоборство можно наблюдать даже в глубоко интимных стихотворениях поэта.

Принципиально новым в поэзии Некрасова было и то, что в ней органически слились разные языковые пласты: мотивы устного народного творчества и элементы русской стихотворной культуры первой половины XIX века. Он обогатил поэтический язык словами, конструкциями и образами общерусского национального языка и тем сумел преодолеть обособленность языка поэзии, сблизив его с языком прозы.

Сборник «Стихотворения Н. Некрасова» имел громадный успех. Все издание разошлось в несколько дней. Такого в русской литературе, по словам Тургенева, «не бывало со времени Пушкина». А Чернышевский писал Некрасову: «Восторг всеобщий... Вы теперь лучшая... надежда, можно сказать, единственная прекрасная надежда нашей литературы».

Появление книги Некрасова вызвало переполох в правительственных кругах и в лагере реакции. Министр просвещения Норов запретил переиздание сборника и всякое упоминание о нем в печати. Особенно возмутило Норова то, что Чернышевский перепечатал несколько стихотворений (и среди них «Поэт и гражданин») в «Современнике». Он вызвал к себе одного из редакторов журнала Панаева, накричал на него и сделал «строжайший выговор за неуместное и неприличное перепечатание стихотворений г. Некрасова».

Отныне, как и в годы «мрачного семилетия», все материалы «Современника» подвергались цензурным ведомством тщательному просмотру. Много лет спустя Чернышевский, находившийся в далекой сибирской ссылке, вспоминал:

«Беда, которую я навлек на “Современник” этою перепечаткою, была очень тяжела и продолжительна. Цензура долго оставалась в необходимости давить “Современник” — года три, это наименьшее...»

Цензурные репрессии не испугали Некрасова. В письме к Тургеневу он писал:

«Мы выдвигали цензурные бури и пострашней — при (Николае I), да пережили».

Сборник «Стихотворения Н. Некрасова» оставил заметный след в общественной жизни России 1850-х годов. Гонения только обострили внимание к книге Некрасова. А после того как на ее переиздание и перепечатку отдельных стихотворений был наложен запрет, стали появляться рукописные копии, получившие широкое распространение среди передовой читающей публики.

Ко времени, когда из печати вышел сборник стихотворений Некрасова, в России многое изменилось. Умер Николай I, на престол вступил Александр II, окончилась Крымская война, позади осталось «мрачное семилетие», а правительство, напуганное ростом крестьянских волнений, заявило о своем намерении отменить крепостное право и провести ряд других реформ. Страна вступала в новый период своего исторического развития. В России начался мощный подъем освободительного движения: росло общественное сознание, бурно развивались наука, искусство, литература, журналистика. «Современник» вздохнул свободнее. Прошло время, когда главной заботой редакции было любой ценой не допустить закрытия журнала, не дать ему превратиться в тусклое, ординарное издание, каких тогда было довольно много. Теперь Некрасов поставил перед собой задачу сделать «Современник» органом борьбы за социальные преобразования в России. И в этом в немалой степени помогли Некрасову новые сотрудники журнала. Еще осенью 1853 года в «Современнике» начал сотрудничать Чернышевский, а в 1856 году свою первую статью на его страницах опубликовал Добролюбов.

Подготовив к изданию сборник «Стихотворения», Некрасов уехал лечиться за границу, хотя и мало надеялся на помощь зарубежных докторов. Однако проведенный курс лечения помог поэту. Он почувствовал себя лучше, но по рекомендации врачей решил некоторое время пожить в Италии. Но не очень уютно чувствовал себя Некрасов на чужбине. Ни красота итальянских городов, ни музейные сокровища Рима и Флоренции, ни блестящие театральные зрелища так и не внесли покоя в его душу. Всеми мыслями он был на родине, в далекой России.

Почти целый год провел Некрасов за границей. Жил он преимущественно в Италии и Франции. Разлуку с родиной скрашивали встречи с друзьями. И хотя обстановка не очень располагала к творчеству, Некрасов продолжал творить: написал поэму «Несчастные» и довольно много лирических стихотворений. Но работалось не так, как хотелось бы.

В Россию Некрасов вернулся в конце июня 1857 года. Свои чувства от свидания с родиной он выразил в поэме «Тишина», где писал:

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!

Свою поэму Некрасов не случайно назвал — «Тишина». Само понятие «тишина» было для поэта очень важным и включало в себя целую систему нравственных, социальных и эстетических принципов и во многом выражало его понимание России:

Над всею Русью тишина,
 Но — не предшественница сна:
 Ей солнце правды в очи блещет,
 И думу думает она.

Поэма «Тишина» — это своеобразное осмысление библейской притчи о блудном сыне, возвратившимся после долгих скитаний в родительский дом. Некрасов тоже вернулся домой после странствий по чужим землям, где увидел много привлекательного, но не нашел желанного душевного покоя, той врачующей и умиротворяющей тишины, которая так необходима русскому человеку.

Как никогда раньше поэт ощутил себя частицей своей родины. Ему близка и понятна ее грусть и печаль, ее неизбежное горе и страдания народа. А народ свой Некрасов любил до боли сердечной, ему посвящал свои лучшие произведения, о нем печалился и обращался ко Всевышнему с просьбой помочь и защитить его «волею святой»:

И долго я рыдал и бился
 О плиты старые челом,
 Чтобы простил, чтоб заступился,
 Чтоб осенил меня крестом
 Бог угнетенных, бог скорбящих,
 Бог поколений, предстоящих
 Пред этим скудным алтарем!

Религиозные мотивы, мотивы покаяния за невольно совершенные грехи, отныне станут одними из важнейших в поэзии Некрасова.

Еще в стихотворении «Влас» поэт отразил одну из особенностей русского национального характера — способность осознать греховности совершенных несправедливых поступков и найти в себе силы для искупления тяжких заблуждений души. Раскаявшийся грешник Влас собирает подаяния на постройку Божьих храмов, где человек может найти утешение, сохранить живую душу и уберечься от греха. Достоевский считал это стихотворение одним из лучших произведений Некрасова и видел в нем проявление коренных свойств народного бытия и залог избавления его от многих бед:

«Я все того же мнения, что ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные “Власы”, кающиеся и некающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших».

Появление религиозных мотивов в поэзии Некрасова не было случайным. Объяснялось это не только религиозным воспитанием, полученным поэтом в детстве, которое, кстати, не оставило заметного следа в его сознании. Скорее, оно возникло во второй половине 1840-х под влиянием идей французских социалистов-утопистов, считавших проповедь идеалов свободы, равенства и братства «новым христианством», продолжением и углублением учения Христа, а вполне оформилось уже в 50-е годы, в результате постижения Некрасовым глубинных основ народного самосознания.

Следует отметить, что этические идеи христианства были близки и многим русским демократам. Резко отрицательно относясь к официальной Православной Церкви, стоявшей на страже самодержавных порядков России, они, тем не менее, склонны были видеть в Христе чуть ли не провозвестника новейшего социализма. Недаром Белинский писал: Христос «первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения». Но Некрасов усматривал в религиозности русского крестьянства не только мечту о будущем царстве справедливости и всеобщего братства, но прежде всего стремление к общению с Христом, Богом «угнетенных» и «скорбящих», чтобы обрести душевный покой и надежду на прощение за совершенные грехи:

...Христос наложит руки
 И снимет волею своей
 С души оковы, с сердца муки,
 И язвы совести большой.

Позднее, создавая образы народных заступников, приносящих себя в жертву во имя торжества идеалов правды, добра и справедливости, Некрасов неоднократно будет сопоставлять их с принявшим мученическую смерть Христом (см., например, стихотворение «Пророк», посвященное Чернышевскому).

Воцарившаяся на родной земле тишина, о которой пишет Некрасов в своей поэме — это тишина, наступившая после окончания Крымской войны, принесшей народу неисчислимы страдания, когда наконец пахарь получил возможность вернуться к земле. В этой безропотности и долготерпении поэт видит пример стойкости и жизнеутверждающего начала.

Тишина в поэме — это еще и тишина народной жизни, жизни внутренне сосредоточенной, полной достоинства, чуждой празднословной суеты. Об этом поэт позже скажет:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.

Своеобразным продолжением поэмы «Тишина», в конце которой поэт говорил о своем намерении поселиться в «родной глуши», явилось написанное чуть позже стихотворение «На Волге», где автор передал свои впечатления и чувства от пребывания в этой «родной глуши». Некрасов вновь повторил, что «нет милей родных небес» и ему «нигде не дышится вольней», как среди «родных лесов, родных полей». Но не только чувство умиротворения и покоя принесло поэту общение с родными местами. Мысленно обозревая прожитую жизнь, он с горечью вынужден признаться:

Быть может, не достало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил:
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать...

Но вот прошло много лет, но мало что изменилось вокруг. И поэт снова увидел как «унылый, сумрачный бурлак» по-прежнему поет ту же песню, тянет ту же лямку, а в чертах его «усталого лица» увидел все ту же «покорность без конца».

Ему горько было видеть покорность народа, который даже не смеет роптать на свою участь, и у него невольно рождался вопрос:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Вопрос этот Некрасов будет повторять снова и снова, надеясь, что народ рано или поздно проснется от векового сна, в нем пробудятся могучие силы, и он сбросит наконец с себя цепи рабства.

Еще в первые годы пребывания в Петербурге Некрасова поразили социальные контрасты большого города. С горечью наблюдал он, как бедные труженики надрывались на непосильной работе ради куска хлеба, в каких ужасных условиях они жили, сколько страданий выпадало на их долю. А рядом он видел праздную жизнь богатых бездельников, людей, строивших свое благополучие на нещадной эксплуатации трудящегося люда. Во многих своих стихах поэт запечатлел трагически безысходное существование «маленьких людей». О судьбе «униженных и оскорбленных», об обитателях ночлежных домов, подвалов и чердаков Некрасов писал не с чужих слов. Ему самому пришлось испытать горькую чашу нищеты и голода. Поэтому с такой болью и состраданием поэт рассказывал в своих произведениях о несчастном бедняке, который, мучимый голодом, украл калач у торговца; о солдате, несущем под мышкой гроб безвременно умершего ребенка; о смешном Ваньке — извозчике, украдкой чистящем бляхи на сбруе своей облезлой клячи в надежде привлечь седока побогаче (цикл «На улице»). Как болезненный стон, вырываются из груди поэта слова: «Мерещится мне

всюду драма». Пишет Некрасов и о «честном бедняке-сочинителе», угасающем на больничной койке, где рядом с ним умирает «старикашка-актер»; крестьянине, тоскующем о семействе, покинутом в деревне, и о других несчастных («В больнице»).

Но больше всего страданий выпадало на долю детей, маленьких тружеников, вынужденных с малолетства трудиться в мастерских ремесленников, на фабриках и заводах. Им Некрасов посвятил стихотворение «Плач детей», которое, по его словам, «принадлежит в подлиннике одной английской писательнице». Речь шла об одноименном стихотворении английской поэтессы Э.Б. Браунинг. Но Некрасов коренным образом переработал это произведение. «Я имел подстрочный перевод в прозе, – говорил он, – и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу».

«Плач детей», наверное, единственное стихотворение в русской поэзии, где с такой силой запечатлелась картина каторжного труда детей на полукустарных фабриках. Обращаясь к читателям, поэт спрашивает:

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

В то время, как «В золотую пору малолетства // Все живое — счастливо живет», маленькие рабы, выбиваясь из сил, целыми днями вертят колеса на фабриках. И нет силы, которая могла бы остановить это ужасное, бесконечное кружение:

Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит-гудит-гудит!

Но главной темой творчества Некрасова всегда была тема крестьянской жизни. Недаром поэта называли певцом народа-пахаря, крестьянским демократом. О тяжелой, безрадостной жизни деревенских тружеников он писал на протяжении всего своего творческого пути. Горькой доле деревенского трудящегося люда поэт посвятил многие свои произведения. Свои стихи Некрасов называл «свидетелями живыми» народных страданий, родившимися «в минуты роковых душевных гроз». Но при этом Некрасова никогда не покидала вера в исполинские силы многомиллионных масс русского крестьянства. Он был убежден, что настанет время, когда «поток живой и чистый // Еще немых народных сил...», скованный «вековым недугом» долготерпения, в конце концов сумеет пробиться наружу и народ сбросит с себя тяжкие оковы многовекового рабства. Эта страстная убежденность поэта отчетливо слышится в его знаменитом стихотворении «Размышления у парадного подъезда» (1858).

В стихотворении прозвучала мысль о необходимости покончить со смирением и покорностью и выступить против общественного строя, порождающего страдания и горе народа.

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..—

с надеждой и одновременно с глубокой верой спрашивал поэт.

В 1860 году «Размышления у парадного подъезда» были напечатаны в герценовском «Колоколе» с таким примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворения нет возможности не поместить». Этот факт лишний раз подтверждает огромное общественно-политическое значение стихотворения Некрасова. О народных бедствиях поэт всегда говорил с тоской и болью. Ему горько видеть покорность народа, который даже не смеет роптать на свою участь. И перед ним остро встал вопрос: что

нужно делать, как помочь народу, где тот «доблестный гражданин», который бесстрашно пойдет «в огонь за честь отчизны».

Ответ на него Некрасов дал в «Песне Еремушке». Жизненной «мудрости», основанной на том, что ради удовлетворения личных стремлений надо «ниже тоненькой былиночки» склонить голову, Некрасов противопоставляет свое представление о жизни. Обращаясь к Еремушке, он говорит:

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

В этом стихотворении нашли свое отражение общественные и моральные принципы «новых людей», решивших посвятить свою жизнь борьбе за счастье народа, за торжество идеалов «Братства, Равенства, Свободы». Недаром «Песня Еремушке» стала своеобразным гимном нескольких поколений демократически настроенной молодежи. Но в произведении Некрасова нет ответа на то, какой путь изберет Еремушка и когда в стране восторжествуют идеалы добра и справедливости. Ведь стихотворение не только открывается, но и заканчивается песней няни, поющей о необходимости терпеть и покоряться.

Образы «новых» деятелей, защитников народных интересов, начиная с середины 50-х годов, начинают занимать в творчестве Некрасова одно из важных мест, поскольку поэт был убежден, что именно они своей самоотверженной деятельностью могли помочь народу преодолеть оцепенение и забитость, пробудить его к сознательной и созидательной жизни.

Вместе с тем поэт понимал, что поскольку в современных ему условиях невозможно «служить добру, не жертвуя собой», им уготовлена нелегкая судьба. Поэтому все они изображены как страдальцы, во многом напоминающие христианских подвижников, сознательно приносящих себя в жертву во имя избранной цели. Ради нее «народные заступники» отвергают «мирские наслаждения», учатся жить «для славы, для свободы», мужественно перенося муки и страдания, выпавшие на их долю. Так, например, герой стихотворения «На смерть Шевченко» «изведал: тюрьму петербургскую, // Справки, допросы, жандармов любезности», «степь Оренбургскую, // И ее крепость...», а Гриша Добросклонов из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» уже в пятнадцать лет твердо знал «кому отдаст всю жизнь свою // И за кого умрет».

Нельзя не отметить, что образы «народных заступников» в поэзии Некрасова в большинстве случаев не были плодом творческой фантазии поэта. Героями его стихотворений становились люди, которых он хорошо знал и поддерживал с ними дружеские отношения. Это и Белинский («Памяти приятеля» и «В. Г. Белинский»), и Шевченко («На смерть Шевченко»), и Добролюбов («Памяти Добролюбова»), и Писарев («Не рыдай так безумно над ним...»), и Чернышевский («Пророк»). Одновременно Некрасов стремился воссоздать и обобщенные характеры героев, в которых наиболее полно воплотились важнейшие черты характеров «народных заступников». Таковы, например, Крот в поэме «Несчастные» и Гриша Добросклонов, герой поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Довольно часто в своем творчестве Некрасов обращается к изображению детей, будучи убежден, что именно им в недалеком времени надлежит вступить в открытую борьбу за народное счастье.

Безграничной любовью к деревенской детворе пронизано стихотворение «Крестьянские дети». С нежностью рассказывает поэт о Савосях, Кузяхах, Глашках и других ребятишках. Глядя на них, он вспоминает и о своем детстве, проведенном в непосредственном общении с такими же детьми, о грибных набегах, которые он совершал вместе с ними, о том, с каким вниманием слушали его маленькие друзья рассказы бывалых людей, наблюдали за работой мастеровых.

Но, восхищаясь непосредственностью и любознательностью крестьянских детей, которые «свободно // Растут, не учась ничему», поэт напоминает и о том, что многим из них «рано знакомы труды...» и «ничто не мешает» им безвременно погибнуть. Глубоко прочувствованно рисует Некрасов образ «мужичка с ноготок» Власа, его немного комичную, но полную внутреннего достоинства наружность, его сознание важности выполняемой им работы. Этот маленький крестьянин умеет постоять за себя и дать отпор любому, кто осмелится его обидеть. Однако не только чувство умиления и восхищения вызывает у поэта вид малолетнего труженика, но и сознание того, как трудно живется русскому крестьянину, вынужденному приобщать к тяжелому труду шестилетнего ребенка. В стихотворении, с одной стороны, звучит любовь к народу, а с другой — ненависть к виновникам народных страданий. Здесь снова проявилась особенность дарования Некрасова, своеобразие его Музы, его умение «любить ненавидя». И невольно вспоминаются слова поэта:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

(«Замолкни, Муза мести и печали!..»)

Некрасов писал не только о детях, но и для детей. В конце 1860-х — начале 1870-х он создал два цикла стихотворений, «посвященных русским детям», куда вошли такие хорошо известные всем произведения, как «Генерал Топтыгин», «Дедушка Мазай и зайцы» и другие.

Раскол в «Современнике». Творчество Некрасова в 1860-е годы

В конце 1850-х годов в «Современнике» сложилась очень сложная обстановка. Появление в составе редакции Чернышевского и Добролюбова, все возрастающее влияние их на направление журнала вызвало недовольство со стороны таких умеренно настроенных сотрудников «Современника», как Тургенев, Григорович, Л. Толстой. Они настороженно относились к излишне радикальным суждениям Чернышевского и Добролюбова, убежденных, что социальные преобразования в России можно провести только путем крестьянской революции, и считали, что нельзя превращать литературу в средство политической борьбы и пропаганды, забывая о ее высшем предназначении. Они пытались вразумить Некрасова, предупреждали поэта, что новые сотрудники придают «Современнику» опасное направление, которое навлечет на журнал цензурные гонения.

Некрасов оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он очень дорожил участием в «Современнике» Тургенева и Толстого, тем более что с первым его связывала давнишняя дружба, а с другой — поэт отчетливо сознавал, что именно Чернышевский и Добролюбов придали его журналу направление, которое было ему близко.

Он понимал, что рано или поздно ему придется сделать выбор. А это неминуемо должно было привести к расколу редакции «Современника». И этот раскол произошел. Поводом послужила статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», посвященная роману Тургенева «Накануне», в которой, отдавая должное мастерству писателя, его умению угадывать новые идеи и веяния, едва нарождавшиеся в обществе, и обращать на них внимание читающей публики, критик упрекал его за непонимание того, что теперь «нужны люди дела, а не отвлеченных, всегда немножко эпикурейских рассуждений». В статье Добролюбова прозвучала надежда на то, что пройдет ночь и наступит наконец «настоящий день», день революции.

Познакомившись с содержанием статьи, Тургенев попросил Некрасова не печатать ее. Некрасову не хотелось ссориться с ним. Он попытался уговорить Добролюбова сделать некоторые уступки и смягчить отдельные положения статьи. Однако критик категорически отказался что-либо изменить. Некрасов оказался перед необходимостью сделать выбор между Тургеневым и Добролюбовым. И он сделал этот выбор. Статья «Когда же придет настоящий день?», хотя и с некоторыми сокращениями, была опубликована

в «Современнике». Это привело к тому, что Тургенев отказался от дальнейшего участия в журнале. Покинули «Современник» Толстой и Григорович.

Состав «Современника» обновился. На смену дворянским писателям в журнал пришла целая плеяда молодых писателей и публицистов, преимущественно выходцев из разночинской среды. Их появление в литературе явилось частью общего процесса, связанного с началом буржуазно-демократического этапа в русском освободительном движении России. Главными и массовыми деятелями в это время становятся именно разночинцы. Это были люди, мечтавшие о коренных общественных преобразованиях, об уничтожении всех форм насилия и произвола. Большинство из них в той или иной мере разделяли взгляды Чернышевского и Добролюбова.

В марте 1861 года был обнародован царский манифест от 19 февраля об освобождении крестьян. Вот что рассказывал Чернышевский одному из деятелей революционного движения 1860-х годов Л. Пантелееву о том, как Некрасов воспринял известие об отмене крепостного права: «В день объявления воли я пришел к нему утром и застал его в кровати. Он был в крайне подавленном состоянии, кругом на кровати лежали разные части «Положения» о крестьянах. «Да разве это настоящая воля! – говорил Некрасов. – Нет. Это чистый обман, издевательство над крестьянами».

Свое отношение к царскому манифесту Некрасов выразил в стихотворении «Свобода», где поэт недвусмысленно заявлял, что он глубоко сомневается в «благодетельности» реформ для «освободившихся» крестьян:

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,
Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных...

Реформа, по мнению Некрасова, так и не принесла крестьянам желанной свободы, и поэт с горечью писал в стихотворении «Что ни год — уменьшаются силы...»:

Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

«Современник», в отличие от правительственной и либеральной прессы, на все лады прославлявшей крестьянскую реформу, весьма сдержанно отнесся к ней, ограничившись перепечаткой официальных материалов в конце журнала.

Между тем в стране складывалась напряженная обстановка. Крестьяне, недовольные реформой, бунтовали, в Петербурге начались студенческие волнения. «Современнику» в этих условиях со стороны цензуры неоднократно предъявлялись требования «переманить направление», в противном случае угрожали прекратить издание журнала.

В этих условиях революционные демократы активизировали свою деятельность, надеясь, что всеобщее недовольство рано или поздно выльется в массовые революционные выступления.

В середине 1861 года за составление прокламации «К молодому поколению» был арестован один из членов редакции журнала М. Михайлов, руководивший иностранным отделом. Вскоре «Современник» понес еще одну утрату: после тяжелой болезни скончался Добролюбов. Прошло немного времени, и над «Современником» разразилась гроза. За «вредное направление» публикация журнала была приостановлена на восемь месяцев. Такая же судьба постигла и другой журнал демократического направления — «Русское слово». Вслед за этим были арестованы Чернышевский и известный революционер Н. Серно-Соловьевич, сотрудничавший в «Современнике».

Все это глубоко потрясло Некрасова. Скорбью и горечью пронизаны многие стихи поэта, написанные в это время. В одном из них он писал:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

По Петербургу ходили упорные слухи, что Некрасову больше не разрешат издавать «Современник», что он предал своих прежних сотрудников и отрекся от них.

Слышать подобное было горько и рождало в сознании поэта невеселые мысли об окружающей жизни и о самом себе. Все это нашло отражение в одном из самых пронзительных и предельно искренних стихотворений Некрасова «Рыцарь на час», явившемся своеобразной исповедью не только самого поэта, но и целого поколения, которое захватило «трудное время // Не готовыми к трудной борьбе».

Некрасову удалось преодолеть чувство растерянности и вопреки слухам и наветам своих недоброжелателей, проявив упорство и настойчивость сумел добиться разрешения продолжить издание «Современника». Он сформировал новую редакцию, куда, кроме него самого, вошли М. Салтыков-Щедрин, Г. Елисеев, М. Антонович, А. Пыпин, и пригласил новых авторов. При этом он не собирался менять программу журнала и его направление. О этом свидетельствует хотя бы то факт, что уж в первых номерах возобновленного «Современника» был опубликован роман Чернышевского «Что делать?», написанный им в Петропавловской крепости, произведения Салтыкова-Щедрина, М. Михайлова, А. Плещеева и, наконец, многие стихи самого Некрасова.

Некрасов много и напряженно работал. Ему приходилось улаживать конфликты, которые порой возникали внутри редакции, вести переговоры с авторами, просматривать и редактировать материалы, идущие в очередной номер. Отмена предварительной цензуры поставила «Современник» в тяжелое положение. Теперь каждый неверный шаг, появление любого произведения, в котором цензура усматривала крамольные мысли, могли вызвать сначала предупреждение, а потом и запрещение журнала.

3 апреля 1866 года студент-революционер Д. Каракозов стрелял в царя Александра II. Покушавшийся был схвачен. Правительство создало следственную комиссию, во главе которой царь поставил известного реакционными взглядами графа Муравьева. По словам одного из редакторов «Современника» Елисеева, Петербург охватила паника, «большинство, как бывает в таких случаях, набросилось на литературу, будучи уверенно, что именно среди нас надобно искать виновника... В особенности должны были трепетать сотрудники «Современника», который считался главным органом всех... якобинских идей».

В столице начались аресты и обыски, хватали всех подряд, кого хоть в какой-то мере можно было заподозрить в причастности к покушению. Были арестованы многие литераторы, в том числе и Елисеев.

Некрасов понимал, что над журналом нависла смертельная угроза. Желая спасти «Современник», он написал сначала стихи, посвященные Костомарову, который якобы помешал Каракозову убить царя, а затем хвалебную оду в честь Муравьева.

Трудно представить, какие муки пришлось испытать Некрасову. Враги злорадствовали, и даже друзья поэта отвернулись от него. До конца своих дней он не мог простить себе этого «неверного» звука, который исторгла его лира. Душевные переживания поэта нашли выражение в стихах, пронизанных страданием и болью:

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и ей отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бесслесно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...

Эти строки, как и написанное чуть позже стихотворение «Зачем меня на части рвете...», Некрасов не отдал в печать. Не в его правилах было оправдываться перед кем бы то ни было. Он сам себя так казнил, так мучился и страдал, как и не снилось его недругам.

В мае 1866 года «по высочайшему повелению» журналы «Современник» и «Русское слово», «вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления», были закрыты навсегда.

В годы, последовавшие после отмены крепостного права, творчество Некрасова продолжало развиваться в направлении все более глубокого отображения народной жизни и народных характеров. При этом поэт старался писать не только о народе, но и для народа. Именно таким произведением явилась поэма «Коробейники» (1861), которая открывалась посвящением: Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии).

Ничего подобного еще не знала русская поэзия. Некрасов не только посвятил свою поэму крестьянину, но и как бы отдавал «Коробейников» ему на суд, а через него и на суд массового народного читателя.

В поэме «Коробейники» поэт обобщил наблюдения над крестьянской жизнью в канун проведения реформы. При этом все события он показал глазами простых деревенских людей. Поэту удалось передать своеобразие народного мирозерцания, особенности взглядов и суждений крестьян по самым различным вопросам. Вместе с коробейниками Некрасов отправляется в путь по русским деревням и селам, вместе с ними посещает самые многолюдные места, вместе с ними слушает, о чем толкует народ, о чем судачат мужики. А судачат они о затеянной царем «проклятой» Крымской войне («Царь дурит — народу горюшко»); о кулаке-мироеде, готовом снять «крест с убитого»; о «спесивой» барыне, которая гнушается даже разговаривать с мужиком; о бездушных чиновниках, осудивших невинного Титушку-ткача.

В центре поэмы находятся образы коробейников Ваньки и Тихоньча, Катерины и убийцы-лесника. К каждому из них у Некрасова свое отношение. Одних он любит, к другим относится с презрением, об одних говорит с уважением, отдавая должное их душевной щедрости и мудрости (например, о Катерине), о других — с горечью и неприязнью. И в этих суждениях мы чувствуем отношение к персонажам поэмы не только самого поэта, но и самого народа. Здесь происходит слияние мнения поэта с народным мнением. И это обусловило особенность художественной формы «Коробейников». Некрасов не только использовал в поэме живой разговорный язык народа, но и включил в художественную ткань произведения различные элементы фольклора: пословицы, поговорки, приметы. Все это придало поэме подлинно народный характер, а отдельные ее части стали народными песнями (например «Коробушка»).

В одну из поездок на родину Некрасов познакомился с крестьянкой, которая поведала ему «печаль свою великую» о гибели единственного сына. Ее рассказ поэт положил в основу небольшой поэмы «Орина, мать солдатская» (1863). Работая над этим произведением, Некрасов, по словам его сестры А. Буткевич, очень «боялся сфальшивить» и «несколько раз делал крюк», чтобы поговорить со старой женщиной, уточнить некоторые детали и не допустить какой-нибудь неточности. Поэма построена как рассказ крестьянки Орины о сыне, вернувшемся после восьмилетней службы в армии и умершем у нее на глазах. Спокойно и неторопливо повествует она о своем горе. Но это кажущееся спокойствие. За ним скрывается страшная человеческая трагедия. В поэме ничего не говорится о том, что же послужило причиной гибели Иванушки. «Не любил, сударь, рассказывать // Он про жизнь свою военную», — говорит Орина. Но читатель отлично понимает, что только беспощадная муштра и жестокое обращение могли довести до смерти солдата, который «Богатырского сложения, // Здоровенный был детинушка!»

По своему характеру поэма «Орина, мать солдатская» очень близка к жанру народных причитаний. В скупой, лаконичной форме Некрасову удалось показать не только трагическую участь русского солдата, замордованного палочной дисциплиной, но и безмерное горе матери, потерявшей единственного кормильца. При этом страдания Иванушки и муки Орины поэт воспринимает как каплю в «чаше вселенского горя».

О трагическом и бесправном положении русской женщины-крестьянки Некрасов пишет и в одном из лучших своих произведений 1860-х годов — в поэме «Мороз, Красный нос» (1864). Судьба главной героини поэмы Дарьи во многом сродни судьбе Орины. Обе они потеряли кормильцев. Одна — сына, другая — мужа, обе страдают, обеих ожидает нищета и горькая участь. Но в поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов решил изобразить не только суровую долю русской крестьянки, но и показать ее выносливость, величие и самоотверженность. Ему хотелось, чтобы читающая публика прониклась уважением и любовью к простой крестьянке, увидела в ней воплощение лучших черт русского народного характера. В самом начале произведения — подлинный гимн во славу русской женщины:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...

Одной из таких женщин была и Дарья. Но страшное горе обрушилось на нее — умер кормилец семьи, ее муж Прокл. И теперь все заботы о детях, родителях, вся тяжесть крестьянского труда, с которым впору справиться только сильному мужчине, пали на плечи молодой вдовы.

В поэме «Мороз, Красный нос» нет широкого охвата событий. Внимание сосредоточено на описании жизни одной крестьянской семьи. Но обращение к сравнительно локальному сюжету не помешало Некрасову раскрыть все стороны народной жизни, всю глубину народного характера. В поэме проявилось знание поэтом народного быта, обрядов, нравов и обычаев, умение использовать сокровища устного народного творчества и народного языка. Создается впечатление, что в этом произведении деревенская жизнь изображена не поэтом, а самим народом. Его глазами Некрасов смотрит на окружающую действительность, его чувства и переживания проявляются при описании всех событий. Поэт, как и сам народ, не мог не видеть, как мало изменилась жизнь русского крестьянина после отмены крепостного права. Так же непосилен его труд, те же непомерные подати и оброк, которые приходилось платить, та же бедность и неуверенность в завтрашнем дне. Ведь гибель Прокла, как и смерть Дарьи, явилась следствием их бедственного положения. Прокл умер потому, что простудился, перевоза в лютый мороз чужие товары, надеясь заработать лишнюю копейку, а Дарья от той же скудности деревенского бытия вынуждена была отправиться в такой же мороз в лес за дровами и там замерзла.

Особое место в поэме Некрасова занимает фантастический образ Мороза. Он мало чем похож на добродушного героя народной сказки «Морозко». Некрасовский Мороз предстает перед нами, с одной стороны, как могучий властелин зимней природы, а с другой, — как носитель гибельного, злого начала, которое отчетливо проявилось в его «хвастливой песне»:

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

О жестокости Мороза к беднякам, беззащитным перед лицом стихийных сил природы, Некрасов писал и в других своих стихотворениях.

Несмотря на трагическую ситуацию, изображенную в поэме, некрасовское произведение не оставляет чувства безысходности и уныния. Воспетые Некрасовым красота и величие народных характеров, трудолюбие и терпение, мужество и стойкость русского человека придают поэме жизнеутверждающее звучание. И это не могли не заметить и не почувствовать читатели. Вот что писал Некрасову сын декабриста С. Волконского М. Волконский, с которым поэта долгие годы связывали теплые дружеские отношения: «Сейчас прочел Ваш “Мороз”. Он пробрал меня до костей, но не холодом — а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение. Ничто,

до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каждое так и бьет по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому...»

И конечно же, не одного М. Волконского потрясли «теплые чувства», которыми пронизана поэма. Читатели почувствовали глубокую заинтересованность поэта тем, о чем он рассказал в своем произведении, его сочувствие к бедствиям и страданиям, выпавшим на долю крестьянской семьи.

Уделяя основное внимание работе над большими эпическими произведениями, Некрасов одновременно написал большое количество разного рода лирических стихотворений, в которых нашли отражение многие вопросы современной ему действительности. Здесь и стихи, посвященные народной жизни («Похороны» и «Дума», 1861; «В полном разгаре страда деревенская...», «Кумушки», «Калистрат», «Зеленый шум», 1863); цикл «О погоде» (1858–1865), где запечатлены картины бедственного положения городского трудящегося люда.

Реформа 1861 года освободила крестьян от крепостной зависимости, и они стали свободными. Что же изменилось в их жизни? И Некрасов с горечью вынужден был признать, что свобода не принесла народу облегчения и что «на место цепей крепостных // Люди придумали много иных» («Свобода»). Но поэта не оставляла надежда на то, что новые поколения, избавившись от рабства, станут свободными и сумеют самостоятельно определить свой жизненный путь:

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом.

Однако Некрасов понимал, что сделать это очень непросто. Ведь в ходе проведенной реформы крестьяне не получили достаточного количества земли, которая могла бы их прокормить, и они вынуждены были искать любую возможность, чтобы заработать. Одни шли на заводы и фабрики, другие на строительство железных и шоссейных дорог и т. п.

В 1864 году Некрасов написал стихотворение «Железная дорога». В его основу поэт положил факты, связанные со строительством в 1842–1851 гг. Николаевской железной дороги, соединившей Москву и Петербург. Действие происходит еще во время существования крепостного права. Почему же Некрасов обратился к, казалось бы, уже прошедшим временам? Это можно объяснить тем, что он хотел подчеркнуть, что и после освобождения положение народа мало чем изменилось: тот же нечеловечески тяжелый труд, те же невыносимые условия, в которых приходилось работать, тот же произвол всякого рода подрядчиков, десятников и проч. Но самое главное — поэт решил воспеть героический труд народа и показать, кто же является истинным создателем материальных ценностей, в том числе и железных дорог. Ведь многие люди, пользуясь благами цивилизации, часто забывают о тех, кто их создавал и каких усилий это стоило.

Стихотворение «Железная дорога» прозвучало как ответ поэта на лживые утверждения генерала («в пальто на красной подкладке»), что дорога была построена графом Клейнмихелем. Некрасов в своем произведении убедительно показал, что истинным строителем железной дороги является многострадальный народ России. Эта мысль проходит через все стихотворение.

«Железная дорога» — произведение оптимистическое, так как оно звало к преобразованию жизни. Именно так воспринимали его передовые люди того времени, современники поэта. Вот что рассказывал известный политический деятель, теоретик марксизма Г. Плеханов:

«Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили “Железную дорогу”, раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим, впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться,

мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: “Эх, взял бы я это ружье и пошел сражаться за русский народ”».

В середине 1860-х годов во всей своей силе расцветает талант Некрасова-сатирика. Он закончил цикл «О погоде», написал «Песни о свободном слове», сатирические стихотворения «Балет», «Недавнее время», «Сцены из лирической комедии “Медвежья охота”», «Притча о Киселе», где виртуозно используя разные приемы сатирического разоблачения (гротеск, соединение высокого лирического воодушевления с едкой иронией, сочетание в одном произведении разных стихотворных размеров) поэт подвергает осмеянию столичных бюрократов, либеральных болтунов, неправедный суд, гонителей свободного слова, бездушных цензоров и т. п.

Особо следует сказать о сатирическом цикле «Песни о свободном слове» (1865–1866), где, размышляя о состоянии современной журналистики, Некрасов не только показал, что так называемая «свободная» пресса из-за цензурных преследований лишена возможности касаться злободневных вопросов русской жизни, но и отразил сложнейшие процессы, происходившие в стране: возникновение новых буржуазных отношений, рождение нового сословия ростовщиков, преуспевающих дельцов, ловких торгашей, наживающихся на народных страданиях, в результате чего

Что народ ни добывает,
Все не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки...

Точно так же и стихотворение «Балет» (1866), посвященное, казалось бы, не столь уж существенному событию — балетному спектаклю, перерастает в поразительную по своей глубине и художественной выразительности картину экономического состояния России, когда финансовый кризис, безденежье привели к тому, что деньги, погоня за наживой стали определяющим фактором времени.

Поэта мало интересует происходящее на сцене. Его внимание обращено на публику, заполнившую зрительный зал, подавляющая часть которой представлена новыми хозяевами жизни: финансовыми воротилами, разбогатевшими подрядчиками, удачливыми предпринимателями и т. п. Именно им выносит свой беспощадный приговор Некрасов. Здесь поэт резче, чем когда бы то ни было, выступает против аристократических, сановных и капиталистических верхов русского общества. Но при всем этом Некрасов ни на минуту не забывает о народе («На уме у тебя мужики»), о его бедствиях и страданиях, что и нашло отражение в заключительной части стихотворения, где дано описание крестьянских обозов, возвращающихся домой после сдачи рекрутов:

Как немые, молчат мужики.
Даже песня никем не поется...
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

В лирике 1860-х появилось удивительное умение Некрасова увидеть, на первый взгляд, в не столь уж значительном факте или событии отражение глубинных процессов, происходивших в России, передать сложную атмосферу общественно-политической жизни страны. Наиболее ярко и выразительно эти особенности проявились позднее, в поэме «Современники» (1875), ставшей вершиной сатирической поэзии Некрасова.

Почти каждый год на летние месяцы Некрасов уезжал в родные места. Чаще всего он бывал у отца, в Грешневе. Но поэт мечтал о своем доме, где мог бы жить летом. В конце 1861 он купил имение Карабиха, расположенное недалеко от Ярославля. В центре усадьбы находился большой двухэтажный дом, по обеим сторонам которого находились два больших каменных флигеля. С балкона дома открывался чудесный вид на окрестности. Вокруг усадьбы был разбит большой парк. Не желая заниматься хозяйственными

делами, управление имением Некрасов поручил брату Федору. В 1867 он передал ему Карабиху в полную собственность, оставив для себя только восточный флигель, где жил, когда приезжал из Петербурга.

В Карабихе Некрасов много работал, а свободное время проводил на охоте. Писатель И. Горбунов вспоминал позднее: «...Николай Алексеевич был страстный охотник и отличный стрелок. На охоте он не знал усталости. Случалось так, что мы выходили на восходе солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охоте он был неузнаваем: живой, веселый, разговорчивый, с мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили».

Проведя несколько дней на охоте, Некрасов уединялся в своих комнатах и писал. Как правило, работал он не в кабинете, а в гостиной. Здесь были написаны поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», главы его эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» и многие другие произведения. В последний раз поэт был в Карабихе летом 1874.

Но не всегда Некрасов имел возможность уезжать надолго в родные места. Журнальные дела не отпускали его и требовали присутствия в Петербурге. Тогда он отправлялся в окрестности столицы, чтобы два-три дня побродить с ружьем и собакой по перелескам и болотам. Однако с годами случайные охотничьи ночлеги стали для него утомительны, и у поэта возникла мысль купить где-нибудь под Петербургом небольшое «охотничье имение». Такое имение нашлось в Чудовском уезде. Осенью 1870 года Некрасов приобрел в деревне Лука Первая деревенский двухэтажный дом вместе с садом и разными службами. Сюда приезжали друзья поэта, здесь устраивалась охота на зайцев и пернатую дичь. Иногда Некрасов, взяв ружье, уходил из дома, желая побыть в одиночестве, собраться с мыслями. И нередко во время таких прогулок рождались новые стихи. Кроме того, по словам сестры поэта А. Буткевич, охота для него была «средством знакомиться с народом». Окрестные крестьяне хорошо знали Некрасова и часто обращались к нему за советом и за помощью. И не было случая, чтобы поэт отказал кому-нибудь.

«Отечественные записки»

После закрытия «Современника» Некрасова не оставляла мысль об издании нового журнала. Он знал, что сделать это будет трудно, так как правительство вряд ли разрешит ему снова возглавить какой-нибудь печатный орган. Совершенно неожиданно Некрасов получил письмо от издателя «Отечественных записок» А. Краевского, в котором тот предлагал поэту взять на себя редактирование отдела беллетристики в его журнале. К тому времени «Отечественные записки» превратились в заурядное издание, которое с каждым годом теряло подписчиков и почти не приносило дохода. Краевский надеялся, что Некрасов сумеет оживить журнал и вернет ему былую славу, какой он пользовался в период сотрудничества в нем Белинского (1839–1846). Некрасов отказался. Однако ему пришла в голову мысль арендовать «Отечественные записки», но с условием, что Краевский не будет вмешиваться в литературные дела редакции. Начались переговоры. Краевский, озабоченный прежде всего получением доходов, согласился. Но возникло множество других осложнений. Главное управление по делам печати не утвердило Некрасова в качестве редактора «Отечественных записок». На обложке журнала должно было стоять имя Краевского. Но товарищи Некрасова по «Современнику» Елисеев и Салтыков-Щедрин, с которыми он собирался редактировать «Отечественные записки», наотрез отказались сотрудничать в журнале, если с его титульного листа не будет убрана фамилия Краевского. Некрасову стоило больших трудов убедить их в том, что иного выхода пока нет и что это лишь временная мера.

Осенью 1867 года Некрасов развернул активную деятельность по созданию новой редакции «Отечественных записок». Общее руководство журналом и отдел поэзии он взял на себя. Отдел беллетристики был поручен Салтыкову, а отдел публицистики возглавил Елисеев. Участвовать в журнале были приглашены прежние сотрудники «Современника»: А. Островский, Г. Успенский, Ф. Решетников, В. Слепцов, А. Левитов, Н. Курочкин и др.

Роль главного критика Некрасов поручил Д. Писареву, который после закрытия «Русского слова» остался без журнальной трибуны. К сожалению, его работа в «Отечественных записках» продолжалась недолго. Летом 1868 года он трагически погиб.

Привлекал Некрасов к сотрудничеству в журнале и новых авторов. Так, вскоре в «Отечественных записках» появились первые статьи критика и публициста Н. Михайловского, близкого к революционным кругам. В одном из писем поэт писал о нем: «...есть у нас сотрудник Н. Михайловский; теперь ясно, что это самый даровитый из новых, и ему, без сомнения, предстоит хорошая будущность». И здесь проявилось великолепное дарование Некрасова «отыскивать и приманивать таланты» (И. Гончаров). Михайловский действительно стал крупнейшей фигурой в русской критике и публицистике второй половины XIX века.

9 декабря 1867 года в газете «Голос» было объявлено, что в новом, 1868 году журнал «Отечественные записки» будет издаваться под новой редакцией. «Новая редакция, – говорилось в объявлении, – постарается дать публике журнал, который представлял бы разнообразное и дельное чтение и был бы журналом, удовлетворяющим каждого образованного читателя». Более определенно о направлении «Отечественных записок» сказать было нельзя.

Уже первый номер обновленного журнала, вышедший в начале 1868, дал ясно понять читателям, что в нем возрождался дух запрещенного «Современника». Недаром писатель П. Боборыкин писал: «Современник» возобновил свое существование в виде «Отечественных записок».

Действительно, новый журнал во многом походил на «Современник». То же демократическое направление, тот же боевой дух, то же непримиримое отношение ко всем отвратительным сторонам жизни самодержавного государства и, наконец, та же редакция, те же сотрудники. Как отмечал в одном из своих докладов цензор Юферев, «Отечественные записки» не только предаются крайним утопическим увлечениям «Современника», но стараются представить совершенно верное продолжение этого, приостановленного по высочайшей воле, издания: подбор статей, система их расположения, содержание их, внешний вид издания, даже шрифт, все это как бы воскрешает «Современник», только под названием «Отечественные записки».

Мало что изменилось даже в чисто внешнем распорядке работы редакции. Она размещалась в том же помещении — в квартире Некрасова на Литейном проспекте. Как и в «Современнике», редакционным днем был понедельник; как и раньше, сотрудники собирались в приемной, где обсуждались текущие дела, готовились очередные номера журнала, спорили, высказывали свои суждения по текущим вопросам политики, журналистики и литературы.

Душой и идейным руководителем журнала был Некрасов.

«Лучшего редактора, как Некрасов, – писал один из современников поэта П. Ковалевский, – ...умнее, пронзительнее и умелее в сношении с писателями и читателями никого не было... Редакция руководилась им неуклонно, как оркестр хорошим капельмейстером...»

Некрасов был не только великолепным редактором, но и умелым организатором. Он имел поразительное чутье на талантливых людей. И скоро в «Отечественных записках» появились новые писатели и поэты: Н. Каронин-Петропавловский, С. Терпигорев (Атава) и несколько позднее — В. Гаршин, Д. Мамин-Сибиряк, С. Надсон и др. С особым вниманием относился поэт к молодым литераторам. Для каждого из них у него находились добрые слова. Он помогал им и дельным советом, и деньгами.

Прошло совсем немного времени, и «Отечественные записки», как некогда «Современник», стали лучшим журналом своего времени, ставившим важные проблемы общественной и литературной жизни.

В обстановке общественного подъема, наступившего в 1870-е, правительственные круги и цензура с особым вниманием следили за «Отечественными записками», считая

журнал Некрасова рассадником «вредных идей». За многими сотрудниками было установлено наблюдение полиции. К тому же правительству было известно, что в «Отечественных записках» печатались авторы, принимавшие непосредственное участие в революционном движении (например, П. Лавров).

Как и прежде, Некрасову приходилось вести борьбу, чтобы уберечь журнал от репрессий и преследований. В январе 1877 Салтыков писал публицисту А. Энгельгардту:

«В отношении «Отеч(ественных) зап(исок)» принято совершенно особенное правило: не давать предостережений, а прямо арестовать номер и предать сожжению. Понятно, сколько змеиной мудрости требуется, чтобы издавать журнал при наличии постоянной угрозы в этом духе».

Как опытный капитан, вел Некрасов журнал среди бесчисленных подводных и надводных препятствий. Он умело использовал противоречия политики правительства в отношении печати, старался «приручить» цензоров, оказывая им те или иные услуги. Так, например, члена совета Главного управления по делам печати Ф. Толстого, приставленного наблюдать за «Отечественными записками», поэт пригласил вести в своем Журнале музыкально-театральное обозрение. Делал это Некрасов, конечно, не от хорошей жизни. Он заботился лишь о том, чтобы сохранить трибуну, с которой вместе со своими единомышленниками мог говорить правду и отстаивать интересы народа.

Поэмы. Конец 60-70-х гг.

Творчество Некрасова в 1868–1877 отличалось удивительным разнообразием. В это время он пишет лирические стихотворения, историко-революционные поэмы «Дедушка», «Русские женщины», сатирическую поэму «Современники» и, наконец, эпопею народной жизни «Кому на Руси жить хорошо».

В поэмах «Дедушка», «Русские женщины» поэт обратился к событиям 14 декабря 1825 года. Не имея возможности непосредственно откликнуться на современные события и создать героический образ современного борца против самодержавия поэт решил воспроизвести историческое прошлое и через него обратиться с призывом к революционерам своего времени — быть достойными преемниками освободительных идей, которым посвятили свою жизнь декабристы.

Работая над поэмами «Дедушка» и «Русские женщины», Некрасов стремился ни в чем не отступать от исторической правды, и в то же время каждый исторический факт или событие получали в его произведениях определенное истолкование.

В поэме «Дедушка» (1870) нарисован величественный образ декабриста, вернувшегося из далекой сибирской ссылки. Его не сломили жизненные невзгоды, он остался верен своим прежним убеждениям. Дедушка любит свой народ и верит в его лучшее будущее. Он стремится открыть глаза своему внуку Саше на «зрелища бедствий народных», внушить ему мысль о необходимости служения добру и правде. И речи старого декабриста падают на благодатную почву. Общаясь с дедушкой, Саша по-иному начинает смотреть вокруг, он мужает:

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему...
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...

Дедушка старается воспитать в нем будущего борца за народное счастье. В этом заключалась актуальность и злободневность поэмы, ее связь с теми задачами, которые ставили перед собой революционеры 70-х годов.

Особое место в поэме занимает рассказ дедушки о крестьянах-переселенцах, сосланных в Сибирь, где «волю да землю им дали». Прошло время, и благодаря упорству и самоотверженному труду вольных хлебопашцев, в таежной глуши «вырос огромный

посад» — Тарбоготай. Люди там живут свободно, богато и счастливо, ибо, говорит дедушка:

Воля и труд человека
Дивные дива творят!

Рассказ дедушки о процветающем Тарбоготое во многом связан с крестьянскими легендами о «вольных землях», где бедный мужик может свободно работать и пользоваться плодами своего труда.

Декабристская тема получила свою дальнейшую разработку в поэме Некрасова «Русские женщины», посвященной подвигу жен декабристов, отправившихся вслед за своими мужьями в далекую Сибирь, чтобы разделить с ними их тяжелую участь. Причем эта тема в поэме Некрасова теснейшим образом связана с такой актуальной для того времени проблемой, как положение женщины в России. Дело в том, что в 60-е годы прошлого столетия женщины стали принимать активное участие в общественной жизни страны. Они стремились к равноправию, самостоятельности и вели борьбу за утверждение своего человеческого достоинства. В своей поэме Некрасов хотел показать, что все это не возникло вдруг, что русской женщине всегда были свойственны чувство долга, способность к самопожертвованию и преодолению любых трудностей, высокая нравственность и бесстрашие. Об этом он уже писал во многих произведениях. Но прежде внимание поэта было сосредоточено преимущественно на изображении характера русской крестьянки. Рисуя ее тяжелую жизнь, Некрасов неизменно подчеркивал, что никакие жизненные невзгоды не смогли сломить ее мужества и стойкости. И не случайно в поэме «Мороз, Красный нос» поэт пропел подлинный гимн во славу русской женщины, «величавой славянки».

Первоначально Некрасов хотел назвать свою поэму — «Декабристки», но, подумав, заменил на «Русские женщины», желая тем самым подчеркнуть, что героини его произведения — Е.И. Трубецкая и М.Н. Волконская — характеры общенациональные, в которых отразились черты, свойственные всем русским женщинам.

О том, какое значение имели поэмы Некрасова о женах декабристов и чем было обязано поэту современное ему молодое поколение, позднее писал активный участник революционного движения 1870–1880-х годов Л.Г. Дейч, отметивший, что Муза Некрасова «немало поспособствовала развитию того движения, благодаря которому наши женщины в умственном и политическом отношении сравнялись с мужчинами».

Начиная с 1863 года и до самой смерти Некрасов работал над главным произведением своей жизни — поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Поэт рассказывал журналисту П. Безобразову: «Я задумал изложить в связном рассказе все, что я знаю о народе, все, что мне привелось услышать из уст его, и я затеял «Кому на Руси жить хорошо». Это будет эпопея современной крестьянской жизни».

Некрасов задумал создать произведение, в котором намеревался с максимальной полнотой отобразить жизнь народа в один из самых сложных и переломных моментов его истории, когда в стране рушились старые крепостнические устои, а новые общественно-экономические отношения только еще начинали складываться.

В произведениях, написанных во второй половине 1840-х — начале 1860-х годов, внимание поэта, как правило, было сосредоточено на раскрытии характеров отдельных персонажей (преимущественно из крестьянской среды), в каждом из которых он выделял наиболее примечательные черты, свойственные многим русским людям. В ряде стихотворений и поэм Некрасов обращался и к собирательному образу народа («Размышления у парадного подъезда», «Коробейники», «Железная дорога»). Однако Некрасов чувствовал, что ему пока еще не удалось передать всех особенностей русского национального характера во всех его проявлениях. Для этого нужны были новые художественные формы воспроизведения народной жизни, которые позволили бы изобразить народ в его историческом бытии и повседневных трудах и заботах, раскрыть склад его ума, объяснить поведение в разных жизненных ситуациях, взгляд на

окружающий мир, отношение к происходящим событиям и т. п. Одним словом — воспроизвести психологически достоверный и социально обусловленный коллективный образ народа, сосредоточивший в себе все важнейшие черты русского национального характера.

Раздумья Некрасова о новой художественной форме привели его к созданию поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Опираясь на традиции народного эпоса, а также на опыт уже написанных разными авторами эпических полотен, Некрасов создал произведение, подобного которому не было ни в русской, ни в мировой литературе. Поэт использовал в нем принципиально новое расположение сцен и эпизодов.

Он то расширяет рамки своего повествования, включая в него широкие эпически масштабные картины (толпу, массовые сцены, споры, в которых принимают участие множество лиц), то сосредотачивает внимание на судьбе одного конкретного человека (поп, помещик, крестьянин, русская женщина). При этом Некрасов свободно обращается со временем и пространством, перенося действие из одного места в другое, замедляя или ускоряя время.

Как герои русских народных сказок, отправляются в путь семь мужиков в надежде найти счастливого человека, «кому живется весело, вольготно на Руси». Такой сюжет позволил поэту раскрыть перед читателем все многообразие пореформенной жизни России, провести его через разоренные деревни и сельские ярмарки, познакомить с представителями различных сословий: с крестьянами, помещиками, духовенством, — показать беспросветно тяжелый мужицкий труд, нищету и убогость деревенской жизни.

Но главная задача Некрасова заключалась в том, чтобы показать, как постепенно пробуждается народ от вековой спячки, как в его среде все чаще и чаще начинают раздаваться голоса, свидетельствующие о недовольстве крестьян своим положением.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» — одно из самых совершенных произведений во всей русской литературе. Некрасову удалось в ней добиться гармоничного слияния формы и содержания. Рассказывая о народной жизни, стремясь сделать свое произведение доступным и понятным широким читательским массам, Некрасов использовал в поэме все богатства устного народного творчества и живого разговорного языка. В поэме мы встречаем множество образов, почерпнутых поэтом из народных сказок и былин, в ней отчетливо слышны отголоски народных песен, причитаний. Некрасов смело вводит в свое произведение пословицы, поговорки, загадки. И все это слито в единое целое, подчинено единому замыслу.

В результате Некрасову удалось создать удивительную по своей целостности и органичности поэму, равной которой нет не только в русской, но и в мировой литературе.

Поэзия Некрасова в 1870-е годы. «Последние песни»

В начале 1870-х Некрасов отметил свое пятидесятилетие. Он встретил его в расцвете творческих сил. Только что были завершены поэмы «Дедушка» и «Русские женщины», успешно продвигалась работа над эпопеей «Кому на Руси жить хорошо». Но все чаще и чаще поэта посещали грустные мысли. В поэме «Уныние» он писал:

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом...
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем...
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

Некрасов почувствовал необходимость оглянуться назад, «свести итог» и рассчитывать «строго // За каждый шаг, за целой жизни труд» («Уныние»). Поэт стремился

не только осмыслить свой жизненный путь, но и дать оценку всему сделанному. Это становится основным лейтмотивом многих его стихотворений.

В середине 1870-х Некрасов заболел. Он жаловался на недомогание, вялость, на боли в спине. Врачи долго не могли поставить диагноз. Лекарства не помогали. Не помогла и поездка в Крым, предпринятая по совету известного врача С. Боткина. С каждым днем болезнь прогрессировала и причиняла поэту тяжелые страдания. Но несмотря на это, Некрасов по-прежнему много сил и времени уделял «Отечественным запискам», как и прежде, вел борьбу с цензурой, принимал участие в деятельности Литературного фонда и, как всегда, много писал. Уже будучи тяжело больным, Некрасов создал поэму «Современники» (1875). Продолжал он работать и над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Однако силы поэта таяли, и все чаще ему приходили в голову мысли о приближающейся смерти. Да и окружающим было видно, что дни его сочтены. Салтыков писал критику П. Анненкову: «Воротился из Крыма Некрасов — совсем мертвый человек. Ни сна, ни аппетита — все пропало... Вы бы не узнали его, если б теперь увидели...»

Только в конце 1876 года врачи определили болезнь — рак. По их настоянию поэту была сделана операция, но она только на несколько месяцев отсрочила смерть. С трогательной заботой и нежностью ухаживала за больным Некрасовым его жена Зинаида Николаевна. Дни и ночи проводила она у постели умирающего поэта. В одну из тяжелых и бессонных ночей, измученный непрерывными болями, Некрасов написал стихи, обращенные к жене:

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются.

Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зна! Закрой утомленные очи,
Зна! усни!

В своей жене поэт видит прежде всего очень близкого человека. Она для него «милый друг», «дитя». Он не произносит слов любви, но мы чувствуем, как его сердце переполняет нежность и благодарность за внимание и заботу. Ей поверяет поэт свои сокровенные мысли и чувства. Испытывая нечеловеческие муки, поэт находит в себе силы, чтобы утешить, ободрить любимую женщину: «Верь надежде // Смейся, пой, как пела ты весной», «Говори, что ты довольна другом в торжестве одержанных побед // Над своим мучительным недугом».

Для стихов, адресованных поэтом жене, характерно то, что они обращены не только к ней, но и к молодому поколению, вступающему в жизнь и признанному служить «великим целям века»:

Кто служба великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

В редкие минуты, когда боль отступала, Некрасов продолжал работать. Он писал свои предсмертные стихи, названные им «Последними песнями». Большинство из них было опубликовано в журнале «Отечественные записки». А в марте 1877 из печати вышел сборник, который поэт так и назвал — «Последние песни». Композиционная структура сборника глубоко продумана. В первый отдел Некрасов включил лирические стихи, во второй — сатирическую поэму «Современники», в третий — отрывки из поэмы «Мать»

и стихотворение «Баюшки-баю». В результате сборник приобрел удивительно целостный и идейно-тематически законченный характер.

Сборник «Последние песни» — это своеобразное поэтическое завещание Некрасова, в котором он попытался подвести итоги своей жизни и творчества и затронул важнейшие темы и проблемы, волновавшие его, отразил основные конфликты эпохи, думы и настроения современников, поведал о своих взглядах и убеждениях, об ошибках, вольно или невольно совершенных им.

И в то же время это лирический дневник, где поэт записывает то, что он чувствовал и переживал, свои физические и нравственные страдания («Борюсь с мучительным недугом, // Борюсь — до скрежета зубов...»; «Скоро стану я добычей тленья...»; «Я примирился с судьбой неизбежною, // Нет ни охоты, ни силы терпеть...»). О том, что «Последние песни» — это действительно дневник, свидетельствует то обстоятельство, что многие стихотворения в сборнике имеют точную дату (а иногда и часы) написания: «18 мая 1876» («3(и)не»), «4-го декабря 1876, ночь» («3(и)не»: «Двести уж дней...»), «Ночь с 7 на 8 января 1877» («Приговор»), «1877, марта 3-го» («Баюшки-баю»).

Поэт понимал, что дни его сочтены, что ему не удастся увидеть новую жизнь, о которой он так страстно мечтал. Но мысль его устремлена в будущее, к друзьям-единомышленникам. Им адресованы слова поэта:

Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Лирические стихотворения, вошедшие в сборник, — это страстная исповедь поэта, стремившегося с предельной искренностью рассказать о себе, о своем прошлом, о своих переживаниях и муках, которые ему пришлось испытать. Очевидно, писал Н. Михайловский, у Некрасова было «желание выложить всю душу, уже еле державшуюся в больном, изможденном теле; страстное, последнее в жизни желание раскрыть тайну этой жизни, может, даже не нам, слушателям этой единственной в своем роде исповеди, а самому себе».

Но, желая излить свою душу, объяснить некоторые свои поступки, в чем-то покаяться, Некрасов заботился прежде всего о том, чтобы понять самого себя, понять тех, с кем ему довелось встречаться на жизненном пути, разобраться в тех обстоятельствах, с какими ему пришлось столкнуться. И поэтому в его исповедальных стихах органически сливались глубоко личные и гражданские мотивы.

Источником покаянных настроений Некрасова была мысль о своем долге перед народом. Поэт и раньше писал о том, что ему не всегда хватало сил и стойкости, что он всего лишь «рыцарь на час», не сумевший влиться в когорту борцов «за великое дело любви». Об этом говорилось в таких его стихотворениях, как «Рыцарь на час», «Что ни год — уменьшаются силы...», «Умру я скоро...», («Я к цели шел колеблющимся шагом // Я для нее не жертвовал собой...»), «Зачем меня на части рвете...» («Я жить в позоре не хочу, // Но умереть за что — не знаю») и других.

Но слишком уж строго судил себя поэт. Причина же того, почему ему многого не удалось совершить, он сам достаточно ясно разъяснил:

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Исповедь поэта обращена к «читателю-гражданину» («Лишь в суд его храню слепую веру») и прежде всего к молодому поколению, которому напоминает, что за все сделанное в жизни рано или поздно нужно будет держать ответ:

Наступит час рассчитывать строго
За каждый шаг, за целый жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите Бога.

Бог старости — неумолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

В ряде стихотворений, вошедших в «Последние песни», Некрасов не один раз обращается к своей многострадальной Музе:

О, Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

О, Муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия, Сестра народа — и моя!

О своей Музе Некрасов говорил также в стихах, написанных в дни предсмертной болезни, но не вошедших в сборник «Последние песни» («Угомонись, моя Муза задорная...», «Подражание Шиллеру»), среди которых было и самое последнее стихотворение, наиболее полно отразившее сущность и неповторимость некрасовской Музы:

О Муза! я у двери гроба!
Пусть я много виноват,
Пусть увеличат во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!

Не русский — взглянет без любви,
На эту бледную, в крови,
Кнотом иссеченную Музу...

Принципиально важной темой, прозвучавшей в «Последних песнях», явилось тема, связанная с созданием образа активного общественного деятеля, защитника народа и борца за его счастье. О таком герое Некрасов писал в стихотворениях «На смерть Шевченко» (1861), «Памяти Добролюбова» (1864), «Не рыдай так безумно над ним...» (1868), в поэме «Кому на Руси жить хорошо». В сборник «Последние песни» поэт включил стихотворение «Пророк» (1874), посвященное Чернышевскому, в котором воспел подвиг человека, убежденного, что нельзя «служить добру, не жертвуя собой». И пусть

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте,
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Обращаясь в конце жизни к основным темам своей поэзии, Некрасов не просто хотел подвести своеобразный итог и воскресить в памяти читателей то, о чем пела его Муза, а стремился обновить прежние поэтические образы, сделать их более емкими и обобщенными, в результате чего многие из них приобретали символическое значение. Так, в стихотворении «Друзьям» (1876), по словам Ю. Лебедева, «деталь из крестьянского обихода — «широкие лапти народные» — приобретает поэтическую многозначность, превращается в образ-символ трудовой крестьянской России:

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Нельзя не заметить, что народная жизнь в произведениях Некрасова, написанных в 1870-е годы, изображена иначе, чем прежде. Если раньше она представляла перед нами, как правило, в конкретно-бытовых, детально нарисованных картинах, то теперь поэт воспроизводит ее в обобщенном виде. В стихотворении «Элегия» (1874) поэт, обращаясь

к молодому поколению, говорит, что «тема старая “страдания народа”» не потеряла своей актуальности и после отмены крепостного права, поскольку:

...пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза...

В данном случае Некрасов, точно так же, как некогда Пушкин в знаменитой «Деревне» (откуда, кстати, позаимствован образ «рабства тощего», которое «покорствуя бичам», «влачатся по браздам // Неумолимого владельца»), воссоздал обобщенную, лишенную конкретных описаний картину народных страданий. Ссылаясь на Пушкина, Некрасов хотел подчеркнуть, что до тех пор, пока миллионы трудящихся масс лишены элементарных прав и прозябают в нищете, «тема народа» будет вечной и истинный поэт не вправе уходить от ее освещения. Сам же Некрасов с полным основанием мог сказать о себе:

Я лиру посвятил народу своему,
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

В этих строках звучит прямая перекличка с пушкинским «Памятником», где великий поэт провозгласил:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Некрасов сознательно обращается к поэтическому опыту Пушкина, подчеркивая тем самым родство своей поэзии с ведущими тенденциями русской литературы. Вместе с тем, у Некрасова было и свое собственное понимание сущности проблемы народной жизни. Если Пушкин, по словам Ю. Лебедева, мечтал увидеть, «рабство, падшее по манию царя», то Некрасов это уже увидел, но вопросы, поставленные юным Пушкиным в «Деревне», не получил разрешения в результате реформ «сверху» и вернулись в русскую жизнь в несколько ином виде: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?»

В «Последние песни» органически вписалась поэма «Современники», поскольку сатира всегда являлась неотъемлемой частью поэзии Некрасова. Уже само название произведения говорило о том, что речь в нем пойдет о современности, о том, что происходило тогда в России, вступившей на путь капиталистического развития. Используя жанры сатирических песен, водевильные куплеты, пародий, памфлетов, язык газетных статей и публикаций, разговорную речь, жаргонные слова и выражения, «торжественный» стиль официальных речей и поздравлений, постоянно меняя стихотворный размер (56 раз!), Некрасов блестяще воспроизвел атмосферу коррупции, обмана, нечистоплотных махинаций, взяточничества, преступлений, в которое погрузилось русское общество, нарисовал целую галерею портретов разного рода финансовых и промышленных воротил, банкиров, ростовщиков, продажных журналистов, либеральных пустозвонов и т. п. Наиболее выразительные и психологически завершенные фигуры новых «деятелей» поэт изобразил во второй части поэмы, названной «Герои времени». Это хитрый и изворотливый железно-дорожный магнат Федор Шкурин, предприниматель-миллионер Савва Антихристов, любивший изображать себя чуть ли не народным благодетелем и составивший состояние на немилосердной эксплуатации мужицкого труда, Григорий Зацепин, который в припадке пьяного раскаяния кричит:

Я — вор! Я рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедуют разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит Бог!
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!

Где позабудь покой и сон,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Ну как тут не вспомнить наше теперешнее время, наших «героев времени», умудрившиеся составить состояния, используя неразбериху, царящую в стране.

В поэме «Современники» Некрасову удалось выявить важнейшие тенденции и закономерность процессов, происходящих в переходное, смутное время, время смены социально-экономических формаций и, как правило, сопровождающихся упадком нравственности, разгулом цинизма и бездуховностью.

«Последние песни» завершались отрывками из поэмы «Мать» и стихотворением «Баюшки-баю». По словам сестры поэта А. Буткевич, Некрасов «в эту поэму и в «Баюшки-баю» (...) вложил всю свою истерзанную душу».

Образ матери, воспетый Некрасовым во многих произведениях, продолжал тревожить и волновать умирающего поэта. Мать для него всегда была символом любви, добра, справедливости, человечности, воплощением высшей нравственности, сумевшей под гнетом внешних обстоятельств сохранить живую душу и веру в высокие идеалы.

Стихотворение «Баюшки-баю» является своеобразным эпилогом поэмы «Мать» и всего сборника. Поэт снова слышит голос матери, в котором звучит уверенность, что ее сын, «страдалец терпеливый» увидит свою родину «свободной, гордой и счастливой», что в конце концов «уступит свету мрак упрямый» и он услышит «песенку свою // Над Волгой, над Окой, над Камой».

В дни предсмертной болезни Некрасова часто посещали грустные мысли. Ему казалось, что жизнь им прожита напрасно, что его борьба, его страдания остались непонятыми и никому не нужными. Порой в стихах Некрасова звучали поистине трагические ноты:

Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Но жизнь показала, что Некрасов в данном случае ошибся. Поэт никогда не был чуждым народу, а народ никогда не забывал о нем. Об этом свидетельствуют многие факты. Когда в печати появились первые стихи из цикла «Последние песни», из которых читатели узнали о тяжелой болезни поэта, со всех концов страны к нему стали приходить письма и телеграммы с выражением сочувствия. На квартиру Некрасова приходили незнакомые люди, чтобы справиться о состоянии здоровья поэта. По свидетельству доктора Н. Белоголового, лечившего Некрасова, поэт «каждый день получал массу писем и телеграмм, то единичных, то коллективных, из разных мест и часто глухих закоулков России, из которых он мог заключить, как высоко его ценит родина и какими огромными симпатиями повсеместно пользуется в ней его талант... Все эти манифестации его трогали и возвышали в собственных глазах». Особенно трогало Некрасова внимание молодежи. В начале февраля 1877 года на квартиру поэта пришли три студента и от имени учащихся ряда учебных заведений вручили Некрасову адрес, под которым стояло 395 подписей. В адресе выражалось глубокое уважение к поэту-гражданину и преклонение перед его творчеством. Студенты писали:

«Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья. Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и взрастит семена эти всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская».

Осенью 1877 года Некрасову стало совсем плохо. В один из ноябрьских дней двоюродный брат Чернышевского А. Пыпин принес письмо от «вилнойского узника», в котором великий революционер-демократ выражал свое горе по поводу болезни Некрасова, писал о своей любви к нему и высказывал уверенность, что «слава его будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов». Прослушав письмо, Некрасов попросил Пыпина:

«Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его, я теперь утешен — его слова дороже мне, чем чьи-либо слова».

Вечером 27 декабря 1877 года (8 января 1878 года по новому стилю) Некрасов скончался.

Морозным декабрьским утром от квартиры Некрасова на Литейном проспекте в сторону Новодевичьего кладбища двинулась похоронная процессия. Гроб все время несли на руках. Такого еще не видел Петербург. По словам очевидцев, проститься с любимым поэтом пришло свыше пяти тысяч человек. «На погребении Некрасова был, можно сказать, весь интеллигентный Петербург, вся будущая Россия», — писал Г. Елисеев в запрещенной цензурой статье «Похороны Некрасова». «Это были первые гражданские похороны русского писателя», — отмечал поэт и критик П. Вейнберг.

Это были даже не похороны, а, скорее политическая демонстрация, в которой приняли участие не только представители передовой русской интеллигенции и учащаяся молодежь, но и деятели революционных подпольных организаций. По свидетельству одного из руководителей нелегального общества «Земля и воля» Г. Плеханова, это общество «решило открыто явиться на похороны в качестве революционной социалистической организации». С этой целью оно заказало венок с надписью «От социалистов». Его тесным кольцом окружили вооруженные револьверами революционеры, решившие пустить в ход оружие, если полиция попыталась бы отнять венок.

Над могилой Некрасова выступили с речами много лет знавший поэта В. Панаев, писатели П. Засодимский, Ф. Достоевский. Все они говорили о подвиге поэта-гражданина, все творчество которого было посвящено служению идеалам добра и счастья народа, о высоком нравственном облике покойного. В своей речи Достоевский сказал о великой и самоотверженной любви поэта к народу, о его горячем сочувствии ко всем страждущим, обиженным и угнетенным. Толпа с напряженным вниманием слушала писателя. Но когда Достоевский заявил, что по своему таланту Некрасов может быть поставлен вслед за Пушкиным и Лермонтовым, «это показалось нам, — вспоминал Плеханов, — вопиющей несправедливостью. Он был выше Пушкина! — закричали мы дружно и громко».

Это было мнение демократически настроенной молодежи, считавшей Некрасова одним из величайших русских поэтов. Его поэзия была им ближе, ибо она служила тому же делу, которому служили и они — освобождению народа, борьбе за идеалы добра и справедливости.